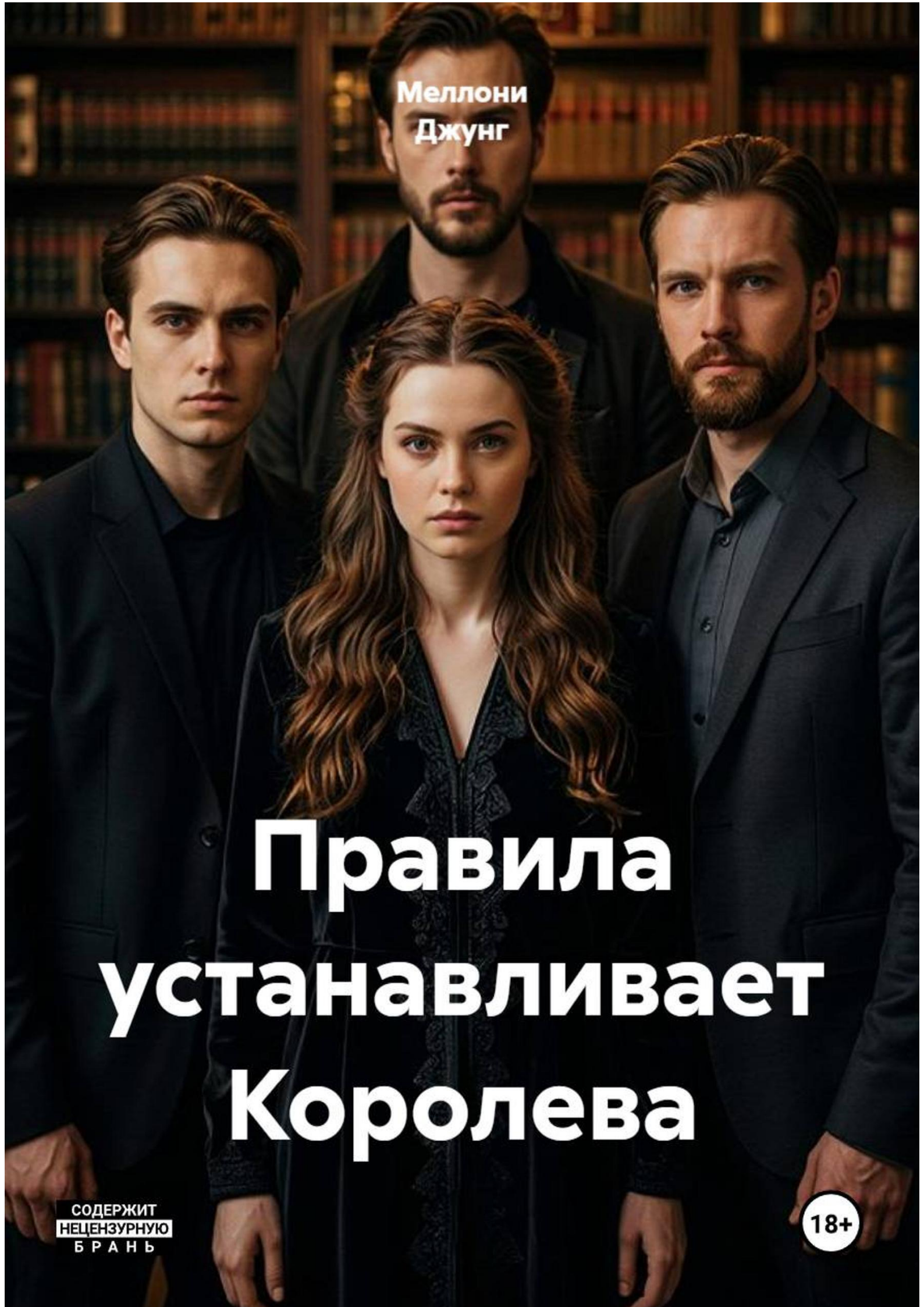

Меллони
Джунг

Правила устанавливает Королева

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Меллони Джунг

Правила устанавливает Королева

«Автор»

2026

Меллони Джунг

Правила устанавливает Королева / Меллони Джунг — «Автор»,
2026

Три мужчины. Три враждующих дома. Одна женщина, которая изменит всё. Эрика была лишь травницей из глуши, пока магический клан не объявил её своей наследницей. Её забирают в мир, где правят трое — Патриарх, Мастер и Ректор. Они красивы, опасны и привыкли получать всё, что хотят. Эрика — дикарка с диким даром, игрушка для их игр. Но она быстро учится. Её редкая магия — видеть истину — становится её главным оружием. Она не намерена подчиняться. Она сделает их всех своими. Остросюжетное гаремное фэнтези о любви, власти и предательстве.

© Меллони Джунг, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	25
Глава 4	36
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Меллони Джунг

Правила устанавливает Королева

Пролог

Пустошь — место не милосердное, но она была нашим домом. Её ветра не ласкали, зато приносили запах полыни и свободы. Её солнце палило, но оно же сушило целебные травы, которые мы собирали с матерью, напевая старые песенки. Эта каменистая земля была по-своему прекрасна.

Здесь, среди безбрежного песка, нашёлся островок жизни — с родником, скудной зеленью и маленьким городком, которым правил староста. Наша семья занимала в нём не последнее место. Мама исцеляла людей от всех хворей, а отец уходил с караванами, охраняя их в долгих и опасных путях.

Я, Эрика, знала каждую трещинку на стенах нашей хижины, каждый кустик полыни в окрестностях. Моими учителями стали ветер, песок и руки матери — Линель, превращавшей уродливый корень в живительный бальзам. Мы с братом Лео наперегонки бегали за ящерицами, а по вечерам забирались к папе, Хану, на колени и слушали его истории о далёких звёздах и духах пустыни. Папа держал наш мир, словно неприступный утёс. Его смех грел грубоватым теплом, а широкие ладони, казалось, могли удержать любую беду. Он научил меня читать следы на песке и никогда не сдаваться.

Мама порой грустила, глядя на восток, но на вопросы о прошлом лишь гладила меня по голове:

— Самое важное — это наше сегодня. А прошлое осталось в прошлом. Не бери в голову, дорогая. Мама погрустит — и её отпустит.

А сегодня у нас горела любовь, кипела работа и тихая радость от хорошо сделанного дела. Я помогала ей готовить пилюли, заворожённо наблюдая, как под её пальцами рождается что-то полезное, почти волшебное.

Моё особое чутьё — видеть, когда растение наполнено силой, или чувствовать фальшь в словах — я считала просто частью себя. Оно было со мной, сколько я себя помню, как зелёные глаза или рыжие волосы. Я даже не замечала его роста. В двенадцать лет случился первый всплеск силы. Папа тогда увёл меня в глубь пустыни и учил управляться с ней. Теперь же близился мой восемнадцатый день рождения, и я чувствовала, как сила снова бурлит, готовая вырваться наружу, стать мощнее. Мы с папой уже потихоньку начали готовиться снова уйти далеко в пустыню, чтобы обуздать её.

День, перевернувший всё, начался самым обычным. Мы с Лео нашли целую поляну сияющих лютиков — редчайших цветов, чьи лепестки в маминых рецептах ценились выше серебра. Мы несли домой полные подолы, смеясь и толкаясь. Отец, завидев нашу добычу, рассмеялся раскатистым смехом и пообещал устроить сегодня пир.

В этот момент в ясное небо ударил гром. Сначала нарастающий гул, похожий на рой гигантских железных пчёл. Потом над кровлей зависло нечто — огромное, круглое, тёмное, поблёскивающее холодными бликами, как мокрая галька под луной. Тени оно не отбрасывало, но воздух вокруг задрожал и зазвенел, сводя скулы.

Из штуковины спустились люди. Их одежды струились гладко и чуждо, словно скорлупа драконьего яйца. Лица были бесстрастными масками. У всех — серебристые волосы и светлые глаза. Они просто стояли в воздухе, и от них повеяло холодом, от которого даже жар пустыни отшатнулся.

Отец мгновенно встал перед нами, заслонив маму, Лео и меня. Его широкая спина внезапно показалась уязвимой. Сила, исходящая от незнакомцев, прижала нас к земле, не давая подняться с колен и заставляя содрогаться.

— Чего хотите? — прогремел голос папы. В нём не было страха, только стальная готовность.

Самый старший из пришельцев, мужчина с седыми висками и глазами без души, скользнул взглядом по отцу, будто по пустому месту, и упёрся в маму.

— Линель, — произнёс он. Тихий голос резал слух, как лезвие по стеклу. — По приказу...

Я не понимала.

«Чей приказ? Откуда они знают маму?»

Мать не закричала. Она издала сдавленный звук, будто её ударили в живот. Вцепилась в Лео, а её лицо побелело, как пепел.

— Нет, — выдохнула она, перебивая. — Оставьте нас. Вы же обещали.

— Обещание давалось тебе одной, — холодно отрезал седой. — Ты же забрала единственное дитя брата. Да ещё с даром. Из неё так и прёт эфиром. Что будешь делать, когда он вырвется? Отдай её.

Его взгляд, тяжёлый и оценивающий, упал на меня. В этот миг внутри что-то перевернулось. От ужаса, непонимания, от вида спины отца, внезапно сжавшейся. Будто гром прогремел внутри черепа. Мир сжался, а после раскрылся, став невыносимо ясным.

Передо мной возникли ауры всех, кто был вокруг. Клубящиеся тени высокомерия и жестокости, чёрным дымом окутавшие пришельцев. Я увидела, как от седого мужчины ко мне тянется тончайшая, мерцающая нить цвета старого серебра. Паутинка, от которой тошнило. Она впивалась прямо в грудь, в самое сердце. От мамы шла другая, роднее, как и от Лео, но вот от папы... ничего. Он не был связан со мной этой нитью. Никак. Он чужой. А вот этот ледяной старец... родня.

От этого открытия мир поплыл. Моё собственное незнание рухнуло на меня тяжёлым камнем. Родня. Эта мысль выжгла всё внутри дотла.

— Эрика! — крикнул папа, обернувшись. В его глазах я увидела тот же вопрос, ту же догадку, и самое страшное — я увидела его чувства, боль от того, что я всё поняла.

«А пофиг. Он мой папа. Никто больше.»

Седой мужчина уже поднял руку, пальцы сложились в странный жест.

Время будто замедлилось. Моё новое, уродливое зрение показало мне узел — точку, где его воля сжималась, чтобы выстрелить в моего отца. И я, не думая, рванула навстречу этому лучу, загораживая его.

Я всё поняла. Он хочет их убить.

— СТОЙ!

Мой крик вырвался — хриплый, раздирающий горло, в нём была та самая сила, что только что открыла мне ауры. Воздух вокруг дрогнул, и серебряная нить вспыхнула, ослепительно и болезненно.

Седой мужчина вздрогнул. Его безупречная маска на миг сморщилась от неожиданности, а жест замер, не завершённый. Он смотрел на меня уже не как на вещь, а как на явление. В его бездушных глазах вспыхнул острый, хищный интерес.

— Любопытно, — прошептал он. — Контроль? Нет... Отражение. Инстинктивное. Чистое. И это ещё без ввода в Дом.

Этого мига хватило. Ноги подкашивались, но я впила ногтями в ладони, чтобы боль вернула ясность.

— Ты... — мой голос всё ещё дрожал, но я заставила его звучать твёрже. — Ты пришёл за мной. Только за мной. Остальных не трожь.

Он медленно опустил руку, изучая меня.

— Дикарка с даром крови. Да. Ты принадлежишь Дому. В грязи твоему дару не место. Он либо расцветёт у нас, либо погубит тебя и всех вокруг.

— Значит, забирай, — выдохнула я, не отрывая от него взгляда. Внутри всё обмирало, но я сжимала это оцепенение в кулак. — Меня. Только меня. Оставь их. Маму. Лео. Папу... — голос на секунду сорвался. — Оставь их всех в покое. И я пойду с тобой без борьбы.

— Эрика, нет! — закричала мама, рванувшись вперёд, но один из стражников молча блокировал ей путь.

— Ты не в положении торговаться, девочка, — холодно сказал седой.

— А ты не хочешь лишних проблем, — парировала я, впервые в жизни ощущая вкус опасной игры. Моё новое зрение показывало — его аура, холодная и ровная, чуть дрогнула. Его интерес к моему «дару» был сильнее, чем желание устроить резню. — Ты сказал, что хочешь забрать меня живую и способную. Подумай, буду ли я такой же «ценной», если ты убьёшь на моих глазах всё, что я люблю? Или я сделаю всё, чтобы твой Дом сгинул?

Наступила тишина, нарушаемая лишь всхлипами мамы. Седой мужчина разглядывал меня долгими, леденящими секундами. Потом его тонкие губы тронуло что-то вроде усмешки.

— Дерзко. Глупо. По-звериному разумно. — Он кивнул. — Хорошо. Условия принимаются. Твоя семья остаётся. Они — ничто. Пыль. Мы забудем дорогу в эту пустошь. Но если ты сделаешь хотя бы шаг назад... договор аннулируется. И думаю, сама догадываешься, что будет...

Он сделал едва заметный знак рукой. Стражники ослабили хватку. Папа, стиснув зубы, поднялся на ноги. В его глазах кипела ярость, смешанная с беспомощностью. Он рвался в бой, я видела это.

— Папа... — прошептала я, глядя прямо на него. И в этом слове было всё: «Прости. Спасибо. Будь для них стеной. Живи.»

Я повернулась к седому, не дав себе возможности передумать.

— Я готова.

Меня повели к холодной, блестящей штуковине. Я не оглядывалась. Боялась, что если увижу их лица — мамы, Лео, папы — то моя хрупкая храбрость рассыплется в прах.

Когда я ступила на гладкую, вибрирующую поверхность диска, седой мужчина произнёс, обращаясь уже не ко мне, а как бы констатируя факт:

— Меня зовут Алтейр. Я — Старший Брат Главы Дома Скорвиус. А ты, дикарка, отныне Эрика Скорвиус. Забудь своё прошлое. Оно умерло.

Диск взмыл вверх. Ветер пустоши, тёплый и пахнувший полыньёю, резко сменился ледяным свистом высоты. Я стояла, сжав кулаки, и смотрела, как наша хижина, наша пустошь, вся моя прежняя жизнь превращается в маленькое коричневое пятно, а затем и вовсе исчезает из вида.

Внутри не было ни ярости, ни слёз. Был только тот самый холод, что возник при виде серебряной нити. Холод обещания.

Они думали, что везут в клетку дикое животное, которое нужно приручить.

Они ошибались. И я приложу все силы, чтобы встать так высоко, что сами они окажутся у моих ног. Никто не смеет являться к моей семье с такими угрозами и оставаться безнаказанным.

Глава 1

Путь из пустоши в Нефритовую столицу занял три дня на летающем диске — «Нефритовая ладья», как назвал её Алтейр. Я почти не спала, наблюдая, как внизу мелькают леса и реки, а затем из тумана вырастают невероятные вершины, увенчанные сияющими дворцами. Воздух стал густым и тяжёлым от эфира — настолько, что моя собственная сила клочкотала внутри в ответ.

На третий день вдали показалась стена. Не стена — горный хребет, искусственно высеченный и поднятый в небо, опоясанный сияющей лентой защитных рун. Это был Внешний Вал, первая граница столицы. «Ладья» замедлила ход, и нас пропустили через мерцающий энергетический золотой купол со всплеском, от которого зазвенело в ушах.

И тогда перед моим взором открылся Нефритовый Город.

Он каскадом поднимался по склонам гор, ярус за ярусом, разделённый высокими внутренними стенами из белого камня с прожилками зелёного нефрита. Каждый ярус был словно отдельный мир.

— Шесть колец, шесть законов, — раздался рядом сухой голос Алтейра. Он стоял, не глядя на меня, уставившись вперёд, но его слова были явно обращены ко мне. — Нижнее кольцо — Рынок Тысячи Вёдер. Там толпа, грязь, подножный эфир и всякий сброд со всего Континента. Выше — кольца ремесленников, врачей, астрологов. Чем выше, тем чище воздух и... изощрённее интриги.

«Ладья» плыла над городом, и я видела, как кольца делились не только стенами, но и атмосферой. Внизу — хаотичное море разноцветных крыш, толпы на мостах, дым костров и пёстрые вывески. В средних кольцах — упорядоченные кварталы, сады на крышах, публичные павильоны для медитаций. А на трёх верхних ярусах, на самом Хребте Дракона, располагались сами Дома.

— Смотри, — Алтейр махнул рукой в сторону сверкающих на солнце шпилей. — Вердиг — багровые башни с вечным дымом из жерл. Их кольцо пахнет серой и сталью. Игнис — словно гигантская кузница, здания из бронзы и меди. Унделайн... их владения почти не видишь, они скрыты миражем, только искажаешь взгляд. А вон там, где сады цветут среди зимы, — Фениксы.

Он сделал паузу, и «Ладья» взяла курс на самый высокий пик в северной части хребта. Там, в окружении вечных льдов и свинцовых туч, высилась угрюмая, монолитная крепость из чёрного камня. Ни садов, ни украшений. Только мощь, тяжесть и всепоглощающая тишина.

— А это, — произнёс Алтейр, и в его голосе впервые прозвучали нотки тепла, кроме презрения, — наше. Чёрный Пик Скорвиус. Сердце нашей силы. И твой новый дом.

Крепость Дома Скорвиус возникла перед нами во всех деталях, когда мы приблизились. Чёрный гранит, впитывающий свет, острые шпили, вонзающиеся в низкие облака. Вся его архитектура кричала о неприступности. Врата из чёрного дерева с серебряными прожилками бесшумно впустили ладью во внутренний двор, размером с целое поселение из пустоши.

Алтейр, молчаливый и неумолимый, провёл меня через лабиринт переходов в отдельное восточное крыло.

— Здесь ты будешь жить, — сказал он, распахивая высокие двери. — Твои покои. Слуги ожидают. Отдохни. С наступлением сумерек тебя ждут в Зале Предков. Не опаздывай.

Крыло оказалось золочёной клеткой. Просторные комнаты с высокими потолками, украшенными фресками битв и медитаций. Мебель из тёмного дерева и светлого шёлка. На одной из стен висела огромная карта Нефритового Континента, испещрённая иероглифами и светя-

щимися точками — эфирными артериями, как позже объяснила одна из служанок. Всё было безупречно, стерильно и совершенно чуждо.

«Да, красиво, но я привыкла к свободе, а тут меня как будто замуровали в пещеру. Ужасающее ощущение.»

Слуги — мужчины и женщины в серебристо-серых одеждах с вышитым на груди гербом Дома: стилизованный ключ, обвитый змеей. Они двигались бесшумно, глаза опущены. Ни вопросов, ни любопытства. Только безупречная эффективность. Меня омыли в каменной купели с благовонными маслами, облачили в простое, но невероятно дорогое платье из серого шёлка, которое холодно струилось по телу. Я чувствовала себя манекеном, которого готовят к аукциону.

Когда солнце начало клониться к закату, окрашивая облака в багрянец, за мной пришли.

Зал Предков порастил холодным величием. Пространство освещали парящие шары магического света. Стены от пола до потолка занимали свитки с генеалогическими древами и портреты. Все они смотрели на меня серебряными глазами — знакомыми до мурашек. Спасибо судьбе, что у меня мамины зелёные глаза и рыжие волосы. В конце зала, за длинным столом из чёрного нефрита, ждала моя «семья».

Я заставила себя идти ровно, ощущая на себе десятки взглядов — не только со стен. За столом собралось человек пятнадцать. Старшие с седыми висками и острыми, как клинки, лицами. Женщины с безупречными причёсками и взглядами, оценивающими каждую нитку на моём платье. Молодые — некоторые немногим старше меня — с любопытством, смешанным с откровенным презрением.

Во главе стола сидели двое мужчин, чьё присутствие сковывало воздух сильнее всего.

Первый — мужчина в годах Патриарха, с лицом, на котором время оставило лишь печать непоколебимой власти. Его серебряные глаза мерцали тихой, древней силой. Он восседал неподвижно, как гора, и от него исходила ощутимая, давящая мощь.

Рядом — другой. Моложе, на вид лет тридцати. Его красота была отточенной и холодной, как лезвие. Серебристые волосы, собранные в длинный хвост, и глаза, не выражающие ничего, кроме аналитической оценки. Он изучал меня взглядом мастера, разглядывающего незнакомый артефакт. Длинные волосы у мужчины... Непривычно. Но это шло ему, придавая вид древнего, отрешённого мудреца.

— Подойди, дитя, — раздался голос старшего. Звук, тихий и ровный, заполнил каждый угол зала. Он не встал. Никто не встал. — Присаживайся. — Он указал на самый дальний стул. Я подошла и села. Тишина стала оглушительной. — Мир пустоши отпустил тебя, я вижу. — В его голосе не было ни доброты, ни жестокости. Лишь холодный анализ. — Алтейр доложил о твоём даре. «Око Истины». Редко. Ценно. И крайне неудобно, будучи в руках необученной дикарки.

— Я не стремилась к этому, — выдавила я, заставляя голос звучать ровно.

— Стремление — привилегия сильных, — парировал он. — У слабых есть лишь факты. Факт в том, что ты здесь. И твой дар уже привлёк внимание Других Великих Домов.

Он сделал лёгкий жест, и один из старцев — с длинной седой бородой и глазами, полными неприязни, — начал говорить, обращаясь ко всем, но глядя на меня:

— Дитя ничего не знает о нашем мире. Пора просветить. — Его голос скрипел, как ржавые петли. — Нефритовый Континент делится на Пять Великих Домов. Мы, Скорвиус, хранители знаний, мастера контроля и льда. Вердиго — воины, их стихия — разрушительный огонь. Игнис — ремесленники и торговцы, их сила в магии земли и металла. Унделайн — мистики и провидцы, повелители иллюзий. И Феникс — целители, их дар — магия жизни. Между нами — вечный баланс. И вечная, скрытая война за ресурсы и влияние. Нефритовая Академия Вечного Совершенства — наше общее детище и главное поле этой битвы. Туда отправляют юные

дарования всех Домов. Одни идут за знаниями. Другие — чтобы шпионить, вербовать или устранять.

Мужчина во главе стола кивнул, принимая эстафету.

— Завтра ты отправишься в Родовую Святыню для пробуждения памяти крови, а после — в Академию. Твой дар нуждается в шлифовке, а твоё присутствие — в официальном объяснении. Грегор, — он обратился к молодому человеку с ледяным взглядом, — Почтенный Старейшина нашего Дома и твой троюродный дядя, а также Ректор Академии, будет твоим наставником в её стенах. Он проследит за твоим прогрессом и оградит от наиболее очевидных угроз.

Тот, Грегор, лишь чуть склонил голову в подтверждение. Его взгляд, казалось, взвешивал каждое моё движение.

— Взамен, — продолжал Патриарх, — Дом обеспечит безопасность твоей матери и брата в пустоши. Они получают защитные обереги и содержание. Эти условия не обсуждаются.

Это прозвучало как ультиматум, обёрнутый в шёлк показной заботы.

— А если я откажусь? — спросила я, уже зная ответ.

Старший мужчина отпил из нефритовой чаши. Его глаза сверкнули.

— Тогда ты покинешь эти стены с тем, с чем пришла. С твоим диким даром и с твоей семьёй, которую не сможешь защитить. Вердиги найдут тебя в течение недели. Они не станут предлагать сделку, ты станешь их рабыней. А мы не сможем тебя отдать, не объявив войну. Значит, ты умрёшь. Возможно, твоя семья умрёт первой. Таковы правила игры.

Я посмотрела на Грегора. Его лицо сохраняло бесстрастную маску, но в глубине глаз я поймала крошечную искру — не сочувствия, а холодного, живого интереса. Ему было любопытно, какой выбор я сделаю.

В воздухе висели невысказанные угрозы. Я сидела среди своей крови, но никогда не чувствовала себя такой чужой.

— Хорошо, — сказала я, и слово прозвучало тихо, но отчётливо. — Я пойду в Академию. Но на моих условиях. Я учусь для себя. Не для того, чтобы стать слепым орудием. И я хочу знать всю правду — о Домах, о даре, о том, почему всё это началось.

Патриарх Каэл обменялся быстрым взглядом с Грегором. Уголки его губ дрогнули на миллиметр. Нечто вроде холодного одобрения.

— Дерзко. Безрассудно. Возможно, именно то, что нужно. — Он поднял чашу. — Условия приняты. На испытательный срок. Ректор Грегор, с завтрашнего дня она твоя ответственность. Научи её выживать. А теперь — ужин.

Блюда сменяли одно за другим, но вкуса я не чувствовала. Я впитывала обрывки разговоров — о политике, месторождениях эфирных кристаллов, стычках на границах. Я соединяла услышанное с тем, что видела Оком Истины: нити связей, скрытые симпатии и презрение за столом. Видела холодную, бездонную ауру лорда Каэла и более острую, сфокусированную — Грегора. И тонкие щупальца зависти, что тянулись ко мне от некоторых родичей.

Когда пиршество закончилось, Патриарх удалился первым. Остальные стали расходиться. Ко мне подошёл Грегор.

— Идём, — сказал он коротко. — Покажу дорогу. Завтра на рассвете — Святыня, а после — Академия.

Мы шли по опустевшим коридорам. Его шаги были бесшумными.

— Ты умеешь держать удар, — произнёс он наконец, не глядя на меня. — Это хорошо. В Академии бить будут чаще. И не только кулаками.

— Вы будете одним из тех, кто бьёт? — спросила я прямо.

Он остановился и повернулся. В тусклом свете его лицо казалось высеченным из льда.

— Я буду тем, кто научит тебя парировать, — ответил он. Его глаза сверкнули. — Патриарх видит в тебе инструмент. Я вижу переменную. Переменные либо упрощают уравнение,

либо взрывают его. Постарайся не взорваться, пока я не вычислю, какую пользу ты можешь принести.

— А если я решу не приносить пользу?

Его губы тронула едва заметная усмешка.

— Тогда, племянница, тебе придётся играть в игру, правила которой ты не знаешь, против мастеров, играющих в неё всю жизнь. Я бы не советовал. — Он распахнул дверь в моё крыло и прошептал так, что мурашки пробежали по спине: — Поиграем?

Он вошёл следом, закрыл дверь и провёл рукой, очерчивая в воздухе светящийся голубой символ. Стены едва заметно дрогнули.

— Чтобы не помешали.

После этого он направился ко мне, не торопясь, расстёгивая верхние пуговицы у ворота, открывая линию ключиц и шеи.

— Что вы делаете? — спросила я, и голос предательски дрогнул.

— В Академии найдутся те, кто захочет с тобой «поиграть». Я проверяю твою реакцию, — произнёс он буднично, продолжая приближаться.

Я отступала, пока спиной не упёрлась в холодную стену. Бежать было некуда.

Я не чувствовала от него волны влечения или страсти — только холодный, методичный интерес. Это сбивало с толку. Что он проверяет? Может, ударить?

Грегор встал вплотную, долго смотря сверху вниз.

Стало невыносимо неловко. Проклятый красавец. Сердце забилось чаще назло мне. Я не выдержала его взгляда и опустила глаза на его грудь.

— А ты умеешь краснеть, — прошептал он, мягко приподнимая мой подбородок пальцем.

— По-вашему, дикаркам это не свойственно? — фыркнула я, пытаюсь вырваться.

— Слышал, в племенах взрослеют рано, — его дыхание коснулось щеки. — Но это не важно.

Его губы коснулись моих — мягко, вопросительно, словно ставя эксперимент. Я застыла, широко открыв глаза. Его же веки были опущены.

Самое странное — я не чувствовала от него никакого отклика, это было похоже на поцелуй со статуей. Решив рискнуть, я уперлась ладонями в его грудь, пытаюсь оттолкнуть. Он лишь усмехнулся и прижал к стене сильнее, поймав мои запястья. Я ударила пяткой по его голени, локтем попыталась попасть в ребро. Он увернулся, и мне показалось, уголок его рта дёрнулся. Мы начали странную, тихую потасовку. Он играл со мной, как хищник с добычей, и каждый раз, когда оказывался в преимуществе, снова целовал. Губы, уголок губ, шею... Его язык скользнул по мочке уха, и по телу пробежала предательская волна мурашек. Чёрт! Почему тело реагирует, когда разум в ужасе?

В итоге я оказалась на полу, прижатая его весом, с заведёнными за голову руками. И вот тут, наконец, от него повеяло чем-то иным — не просто интересом к объекту, а вниманием к женщине. Что его так переключило?

— Отпусти! — прошипела я.

— Забавная, — его губы снова прикоснулись к шее. Сердце бешено застучало. — Если бы просто стерпела, я бы ушёл. Но раз сопротивляешься... значит, где-то внутри тебе это не чуждо. Запомню. Не бойся, я не насильник. Подожду, пока сама захочешь. Но сейчас... уже поздно.

Он резко поднялся, словно ничего и не было, и направился к двери.

— До рассвета, Эрика Скорвиус. Советую поспать. Завтра начинается твоя настоящая жизнь. Или заканчивается.

Дверь закрылась, оставив меня одну в звенящей тишине золотой клетки.

Я подошла к окну. Внизу раскинулся Нефритовый Город — море огней, парящих мостов и сияющих пагод. Где-то там была Академия. Где-то — враги. А здесь, за моей спиной, — холодные союзники по крови.

И союзники ли?

Глава 2

Рассвет в Нефритовом Городе оказался холодным и бесцветным. Ледяной туман, словно прозрачные пальцы, цеплялся за острые чёрные шпили крепости Скорвиус, высасывая из мира все краски. Меня разбудили ещё до того, как первые лучи солнца коснулись вершин. В комнату вошли без стука — две служанки с опущенными глазами, как статуи. На руках у них лежала бесформенная холщовая рубаха цвета пыли. Грубый лён, который в пустыне использовали для мешков.

- Сними всё. Надень это, — тихо сказала одна из них, даже не глядя на меня.

Ни украшений, ни пояса, ни обуви. Меня лишали всего, что могло напоминать о личности, о прошлом. Оставляли только голое тело и его ценность — или его ничтожество. Волосы оставили распущенными. Я чувствовала себя выставленным на рынке скотом. Гнев, кислый и острый, подкатил к горлу, но я сглотнула его. Здесь если его покажу, то он сыграет против меня.

В приёмном зале, освещённом тусклым светом парящих нефритовых шаров, ждали Патриарх и Грегор. Их силуэты казались вырезанными из мрака.

Патриарх Каэл сидел в высоком кресле во главе зала. Его лицо, изрезанное морщинами власти и холодного расчёта, было непроницаемо. Одежды — тёмные, тяжелые, расшитые серебряными нитями, изображавшими сплетающихся змей, — выглядели как часть трона, продолжение его воли.

Рядом, откинувшись на спинку стула, сидел Грегор. Ректор Академии. Мой так называемый наставник. В отличие от Патриарха, он не пытался казаться монументом. Он казался подобен отточенному клинку, забытому в ножнах, — опасному даже в состоянии покоя. Его длинные серебряные волосы, сегодня собранные в строгий хвост, открывали высокий лоб и пронзительные, слишком яркие для этого полумрака глаза. На нём были тёмно-серые одежды ректора, простые, но безупречного покроя. Взгляд его, когда я вошла, упал на меня как на интересную, сложную задачу. И задержался. На лице не дрогнул ни один мускул, но в глубине зрачков что-то промелькнуло — быстрый, как удар хлыста, интерес.

— Приблизься, — прозвучал голос Патриарха. Он был тихим, но заполнил собой весь зал, вытеснив воздух.

Я подошла, остановившись в двух шагах от стола. Холод каменного пола жёг босые ступни.

Каэл изучал меня долгими, тягучими секундами.

— Сегодня ты пройдёшь в Сердце клана. В Родовую Святыню. Там, в водах Озера Памяти, покоится сила, которую копили наши предки тысячелетиями. — Он сделал паузу, давая словам осесть, как яду. — Это милость. Или смертный приговор. Твой дикий дар либо примет наследие крови и расцветёт, либо... сожжёт тебя изнутри. В Озере нужно будет пройти испытания. Они для проверки духа. Ректор Грегор проводит тебя до озера. Дальше — ты одна. Никто не может пройти этот путь за другого.

Я перевела взгляд на Грегора. Он встретил его, не моргнув. В его лице не было ни ободрения, ни жалости. Лишь абсолютная, леденящая концентрация.

Грегор поднялся. Его движения были плавными, беззвучными.

— Идём. Время не ждёт.

Мы прошли через внутренние дворы, где серый рассвет только начинал окрашивать чёрный камень в цвет мокрого пепла. Потом — вглубь крепости, по лестницам, ведущим вниз. Воздух становился тяжелее, влажнее, начинал пахнуть сырой землёй, древним камнем и чем-то ещё — едким, живым, как озон после грозы.

Патриарх остановился перед стеной, в которой даже не было видно швов. Он приложил ладонь к поверхности, и под его пальцами вспыхнули сложные серебряные узоры. Камень с глухим скрежетом пополз в сторону, открывая чёрный провал. Из него потянуло леденящим холодом и тем самым озоном, теперь таким сильным, что запершило в горле.

— Здесь мы прощаемся, — сказал Каэл, и его взгляд на этот раз был обращён не ко мне, а куда-то вглубь, в прошлое. — Удачи... Эрика. Возвращайся другой. Или не возвращайся вовсе.

Он отступил. Грегор шагнул в черноту, не оглядываясь. Я последовала за ним, и камень с грохотом захлопнулся за моей спиной, отрезав путь назад.

Мы оказались в узком каменном тоннеле. Его стены источали собственный, фосфоресцирующий бледный свет, похожий на лунный. Свет был мёртвым, он не грел, а лишь подчёркивал могильный холод вокруг.

— Не отставай, — бросил Грегор через плечо. — И не наступай куда попало. Лучше иди след в след.

Первые ловушки были простыми. Напольные плиты, которые проваливались в бездонную яму. Мы проходили по краю, цепляясь за выступы в стене. Потом пошли сложнее. В одном из залов с высоким потолком висели тысячи тончайших, почти невидимых нитей. Прикосновение к любой вызывало с потолка ливень ледяных игл. Грегор вёл меня, буквально протаскивая за собой, его тело на миг прижималось к моему, чтобы увернуться от смертоносной нити, и я чувствовала жесткость его мышц под тонкой тканью, слышала его ровное дыхание у самого уха. От этих мимолётных касаний внутри всё сжималось от чего-то иного, острого и настороженного.

«Сказать ли ему, что я вижу магию? Вижу эти ловушки? Нет. Мы не настолько близки, чтобы всё выдавать. Нужно ещё заслужить моё доверие».

— Здесь, — он резко прижал меня к стене, его рука легла мне на живот, удерживая. Его ладонь ощущалась широкой, горячей даже сквозь грубую ткань. — Не дыши.

«Он меня, что, соблазняет?»

Прямо перед нами в воздухе повисла дрожащая сфера из инея. Она медленно вращалась, и от неё расходились волны такого холода, что ресницы немедленно покрылись инеем. Мы ждали, замерли, пока сфера не растворилась сама собой.

— Идём, — он убрал руку, но тепло от его прикосновения осталось на коже, будто ожог.

Шли мы долго. Чем глубже, тем сильнее становилось давление. Оно давило на сознание, на душу. Казалось, сам воздух пропитан тягучей, древней силой, которая не пускает чужаков. Каждый шаг требовал усилий. Сердце колотилось, пытаясь протолкнуть кровь сквозь сжавшиеся сосуды.

Наконец тоннель расширился, выведя нас к гигантской, круглой пещере. Здесь всё моё естество содрогнулось.

Передо мной лежало Озеро Памяти.

Его вода была чёрной. Не тёмной, не мутной — абсолютно чёрной, как кусок ночного неба, упавший под землю. Она не отражала свет. Она поглощала его. И из самого центра этой черноты, из бездонной пустоты, бил вверх столб ослепительного, нестерпимого света. Синеватый, холодный и яростный, он упирался в высокий свод пещеры, покрытый мириадами кристаллов. Кристаллы ловили свет, дробили его на миллионы искр, и вся пещера переливалась, мерцала, жила этим холодным сиянием. Это было одновременно прекрасно и ужасающе.

Мы стояли на небольшом каменном выступе у самой кромки воды. Грегор остановился.

— Дальше — одна.

Я смотрела на чёрную воду, и живот свело ледяной судорогой. Страх, настоящий, животный, поднялся по позвоночнику.

— Что... что нужно делать? — спросила я, и голос прозвучал хрипло, чужой.

Он повернулся ко мне. В мерцающем свете его лицо казалось резным, нереальным. Глаза были тёмными безднами.

— Войди в воду. Иди к свету. Прими силу. Или умри, — он говорил просто, без прикрас. Потом его взгляд упал на мою рубаху. — И сними это.

Я застыла, не понимая.

— Что?

— Ткань пропитан чужеродной энергией, нитями ткачей из нижнего кольца. В эпицентре потока он сгорит на тебе в мгновение ока, как бумага. Оставит ожоги, которые не заживут никогда. Входи голой.

Стыд, острый и жгучий, ударил в лицо. Я не была стыдливой — жизнь в пустыне не располагала к излишней скромности. Но стоять обнаженной перед ним... Перед этим человеком, чей взгляд и так прожигал насквозь...

— Быстро, — его голос стал жёстче. — Сила нарастает циклами. Следующий пик через полчаса. Если не войдешь сейчас — не войдешь никогда.

Руки сами потянулись к грубой ткани. Пальцы дрожали, когда я расстёгивала завязки. Ткань соскользнула с плеч, упала к ногам, бесформенным пятном на камне. Холодный, влажный воздух пещеры обнял моё тело, заставив кожу покрыться пупырышками. Я стояла, стараясь не прикрываться руками, чувствуя, как жар стыда расходится по щекам, шее, груди.

Грегор не отворачивался. Он смотрел. Его взгляд был медленным, неспешным, изучающим каждую линию, каждую кривую. Он начал сверху: распушенные рыжие волосы, падавшие на мои плечи, лицо, шею... Остановился на груди, на упругих, поднявшихся от холода сосках. Потом скользнул ниже, по животу, бёдрам... Это был не взгляд мужчины на женщину. Это был взгляд мастера на материал. Оценка. Взвешивание. И от этого становилось в тысячу раз хуже, потому что где-то в глубине, под слоем стыда и ярости, шевельнулось что-то тёмное, тёплое, стыдливое... Влечение. К его абсолютной власти. К этой холодной, безжалостной уверенности.

Он обошёл меня кругом. Я чувствовала его взгляд на спине, на ягодицах, на задней стороне бёдер. Он завершил круг, снова встал передо мной. Его лицо оставалось невозмутимым, только в уголках губ дрогнула едва заметная ниточка... чего? Одобрения? Насмешки?

— Приемлемо, — произнес он наконец. Его голос был низким, чуть хриловатым. — Сила любит чистоту. Формы... далеки от аскетичных. Но что есть, то есть. Дар крови всегда проявляется в плоти.

Он достал из складок одежды тонкий диск из тёмного нефрита на серебряной цепочке. На диске был выгравирован тот же символ — ключ, обвитый змеей.

— Надень. Это якорь. Он привяжет твоё сознание к реальности, не даст ему раствориться в потоках памяти. Без него ты сойдешь с ума в первые же мгновения.

«Он действительно обо мне заботится или это притворство? По ощущениям он говорил искренне, но мало ли, нашёл как обмануть моё око. Даже служанки не верили в меня, поэтому и дали этот чёрствый кусок ткани. Как и Патриарх, хотя это он должен был мне отдать эту цепочку. Даже сам не пошел сюда, приказал ему.»

Я взяла диск. Камень был тёплым от его тела. Надела на шею. Нефрит лёг холодным пятном между грудями.

— Войди в воду, — сказал он. — Иди к свету. Чем ближе к центру, тем сильнее будет боль. Не пытайся поглотить всё сразу. Твоя задача — выжить. Принять столько, сколько сможешь удержать. Если почувствуешь, что ломаешься... что сознание гаснет... крикни «Якорь». Я вытащу тебя. Но если я вытащу, испытание будет провалено. Ты останешься пустышкой, и твой путь здесь закончится. Поняла?

Я кивнула, не в силах вымолвить слово. Комок в горле мешал дышать.

Он посмотрел на меня в последний раз. И в его глазах, в этих бездонных, холодных глазах, я увидела нечто новое. Искру дикого, азартного интереса.

— Покажи им всем, из какой глины ты слеплена, дикарка.

«Всё-таки верит.»

Я развернулась к чёрной воде. Сделала шаг с камня.

Холод обжёг ступни, как раскалённое железо. Это была сама энергия, древняя, чуждая, враждебная. Я закусила губу, делая следующий шаг. Вода доходила до лодыжек. Потом до колен. Каждый сантиметр вглубь был пыткой. Казалось, миллионы игл впиваются в кожу, вливаются в кровь, разнося по телу ледяной огонь.

«Безумно холодно.»

Я дошла до пояса. Сила уже гудела вокруг, как рой разъяренных ос. Вода была густой, тягучей, она сопротивлялась каждому движению.

— Слушай меня! — Голос Грегора донёсся с берега, преодолевая гул. Он звучал чётко, как удар колокола. — Запомни ступени! Ты должна знать, куда идёшь!

Я сделала ещё шаг, стиснув зубы от боли. Вода дошла до груди. Чёрная жидкость касалась кожи ниже нефритового диска, и каждый раз это было как удар током.

— Первая ступень — Сталь Плоти! — крикнул он. — Укрепление тела, до предела возможного! Большинство останавливаются здесь!

Я поплыла. Движения были тяжёлыми, медленными. Казалось, плыву не в воде, а в патоке.

— Вторая — Кипящая Кровь! Очищение жизненной силы, разжигание внутреннего огня! От этой ступени зависит мощь всех твоих будущих искусств!

Я приближалась к центру. Световой столб был уже близко, его сияние резало глаза, даже если смотреть в сторону. Гул превратился в рёв. В ушах звенело. Боль стала фоновым состоянием, постоянной, невыносимой реальностью.

— Третья — Закалённый Дух! — его голос прорывался сквозь рёв, как луч сквозь тьму. — Рождение истинной воли! Контроль не только над телом, но и над сознанием! Те, кто доходят сюда, становятся элитой! Но доходят немногие!

Я была в метре от границы светового столба. Энергия здесь была такой плотной, что воздух дрожал. Кожа горела. Каждая клетка кричала.

— Твой дикий дар сейчас на пороге второй ступени! — закричал Грегор, и в его крике впервые прозвучала не просто констатация, а вызов. — Покажи им! Покажи, что течёт в твоих жилах не грязь пустыни, а кровь Скорвиус! Войди в свет!

Я вдохнула полной грудью, ощущая, как ледяное пламя заполняет легкие. И шагнула вперёд, в ослепительную, всепоглощающую белую пустоту.

Мир вокруг как будто взорвался, растворился. Белый свет, холодный и яростный, как сердцевина ледника, прожигал меня насквозь. Он проходил сквозь веки, сквозь череп, выжигая все мысли, оставляя только одно — боль.

Абсолютную. Вселенскую.

«Терпи. Ты достойна большего.»

Казалось, каждая молекула моего тела разрывается на части. Кости трещали, не выдерживая давления, которое сжимало их со всех сторон. Мышцы рвались и сплетались заново, но уже по-другому, плотнее, прочнее. Кожа горела, и я чувствовала, как с неё сходит, испаряясь в свету, все лишнее — грязь пустыни, запах полыни, сама память о солнце.

Я не кричала. Просто не могла. Воздух был выжжен из лёгких. Я просто висела в этой белой пустоте, охваченная агонией, которая не имела начала и конца. Думаю, даже спасательное слово сейчас произнести не смогу.

И сквозь эту боль начали пробиваться голоса.

Воспоминания. Чужие. Древние. Не мои.

Первая вспышка.

Я больше не Эрика. Я — Лира. Мои ноги, обернутые в промерзшие шкуры, проваливаются по колено в снежную целину. За моей спиной — такие же, как я. Оборванные. Голодные. В наших серебряных глазах тупая, звериная ярость. Ярость преданных.

Нас выгнали. Наш же род. Новый вожак, пришедший к власти на крови моего отца, назвал нас «окаянными», «разрушителями устоев». Он боялся нас. Боялся нашей силы. И вместо честного боя отправил на смерть в ледяную пустоту.

Впереди идёт моя сестра, Эльда. Её лицо — высеченный из льда макет былой красоты. Вчера на её глазах ледяной червь утащил в расщелину нашего мужа, отца наших детей. Она не проронила слезы. Только стиснула челюсти и повела нас дальше.

Сначала нас было тридцать. Теперь — пятнадцать. Старики остались сидеть на снегу, чтобы не замедлять шаг. Дети плакали сначала, теперь молчат, экономя тепло.

Мы идём уже неделю. Без цели. Просто чтобы уйти подальше от того места, что когда-то звалось домом.

И вот мы находим Её. Расщелину в скале. Из неё тянет странным теплом и запахом... озоном. Как перед грозой, которой не бывает во льдах.

Внутри — пещера. Тепло. И в ней — озеро. Чёрное, как глаза предателя, и спокойное, как смерть.

У нас нет выбора. Либо мы выпьем из этого странного источника, либо завтра умрём от холода. Эльда первая падает на колени у воды. Зачерпывает ладонями. Пьёт. Проверяет на безопасность.

Её тело сводит судорогой. Она падает, изгибается, и из её горла вырывается хриплый, нечеловеческий звук. Её кожа покрывается инеем, потом трескается, и из трещин сочится свет. Мы в ужасе отползаем. Но через минуту судороги прекращаются. Эльда поднимается. И в её серебряных глазах горит новый огонь. Холодный. Решительный. Она смотрит на свои ладони, и между пальцами вспыхивают искры синего пламени.

— Пейте, — говорит она хрипло. — Или умрите как жалкие твари.

Мы пьём. Один за другим. Пещера наполняется нашими криками. Боль ломает кости, перестраивает плоть, прожигает душу. Некоторые не выдерживают — их тела чернеют и рассыпаются в прах, который тут же поглощает чёрная вода.

Но те, кто выжил... Мы поднимаемся другими. Сила бурлит в наших жилах, новая, дикая, первозданная. Мы выходим из пещеры. И когда на нас нападает стая ледяных волков, мы встречаем их всплесками пламени, которое сжигает душу. Мы выживаем.

У того же озера, у костра, сложенного из остатков наших прежних вещей, Эльда говорит, глядя в чёрную воду:

— Они предали свою кровь. Они выбросили нас, как мусор. Запомните это. Запомните эту боль. Кровь, пролитая за родича, священна. А предавший свою кровь... не имеет ни прошлого, ни будущего. Он достоин только смерти.

Её слова, высеченные болью и потерей, входят в наши сердца, как клинки. Они становятся нашим первым законом. Законом выживших. Законом Скорвиус.

Боль в моём теле сменилась на миг новой болью — болью от этой памяти, от этой потери. Я чувствовала их ярость, их горечь. Это было моё. Кровь моя.

Потом картина сменилась.

Прошли века. Пещера стала Святыней. Чёрное озеро — источником силы, вокруг которого выросла могучая крепость. Но люди не изменились.

Я вижу уже мраморные залы. Вижу шелка и серебро. Но в глазах — та же жадность власти.

Сила озера больше не даётся просто так. Она стала капризной. Её нужно заслужить. И за неё готовы убить.

Брат против брата. Сын против отца. Тихие яды в кубках. Кинжалы в спину в тёмных коридорах. Отравленные клинки, падающие в чёрную воду во время ритуальных поединков у самого берега.

Я вижу лицо молодого мужчины — красивого, с глазами, полными амбиций. Он только что прошёл испытание. Он силён. Он — угроза для своего дяди, нынешнего Главы Дома. И его дядя, улыбаясь, поздравляет его, подносит ему чашу вина... Вина, в котором растворена «Беззвучная Песня» — яд, разъедающий духовные каналы.

Юноша умирает не сразу. Он мучается три дня, чувствуя, как утекает его дар, его жизнь. И последнее, что он видит, — холодные глаза дяди, склонившегося над ним.

— Сила должна быть в надёжных руках, племянник. Ты был... ненадёжен.

Кровь юноши, выплюнутая в приступе кашля, стекает по мрамору к священному озеру. Озеро впитывает её. И с ней — всю боль предательства, всю горечь нереализованных амбиций, всю чёрную ненависть.

Таких сцен — сотни. Озеро, когда-то давшее жизнь изгнанникам, стало сборником всех низких поступков клана. Оно хранило память о каждом падении. О каждой подлости. И теперь, чтобы получить его силу, нужно было доказать, что ты не такой. Что ты не станешь таким. Или... что ты сумеешь обуздать эту тьму в себе.

Эти видения сменились, перетекли во что-то личное, ещё более жуткое.

Боль в теле вернулась, умножившись в сто раз. Но теперь это была боль души.

Я снова в пустоши. Солнце палит. Я стою перед хижиной, но не могу пошевелиться. Невидимые цепи сковывают меня. Я вижу цепи магии. От меня к стражам. А передо мной — Алтейр. Не тот, что вёл переговоры. Другой. Холодный убийца. В его руке — клинок из света.

— Берите девочку, — говорит он своим бесстрастным голосам-призракам. — Остальных — ликвидировать. Нам не нужны свидетели и привязанности.

Папа бросается вперед. Его могучие руки, которые могли согнуть подкову, бессильны против серебристого клинка. Клинок проходит сквозь его грудь тихо, с легким свистом. В глазах отца ужасающая, вселенская скорбь. Он падает, и пыль пустыни тут же впитывает тёмную кровь.

Мама кричит. Закрывает собой Лео. Клинок настигает и её, выходя обагрённым из спины моего брата. Они падают вместе, сплетённые в последнем объятии.

А я стою. Смотрю. И внутри меня ничего нет. Только белый, ревущий шум. И всепоглощающая, ледяная ненависть. Она заполняет каждую клетку, вытесняя всё остальное. Я хочу сжечь этот мир. Сжечь их всех.

Картина смещается.

Теперь я в Чёрном Пике. Я — Госпожа. На мне — одежды из теней и серебра. Мои волосы убраны в сложную, жесткую причёску. Моё лицо — красивая, холодная маска. Я иду по коридорам, и слуги падают ниц, дрожа. В их глазах — животный страх.

Я вхожу в зал совета. За столом сидят старейшины. Те самые, что смотрели на меня с презрением. Теперь в их глазах — только покорность. И ненависть, которую они не смеют показать.

— Алтейр слишком много о себе возомнил, — говорю я, и мой голос звенит, как лёд. — Уберите его. Пусть его семья разделит его участь. Я не потерплю угроз.

Я отдаю приказы. Один за другим. «Неугодные» исчезают. Выхожу замуж за Грегора. Не по любви. По расчёту. Чтобы привязать к себе ректора Академии. Наша брачная ночь — холодная схватка за власть, где тело — просто оружие. Он ненавидит меня. Я презираю его. Мы создаём совершенный, ядовитый союз.

У нас есть дети. Они боятся меня. Они видят, как их отец смотрит на меня с ледяным отвращением, и учатся тому же.

Я становлюсь самым эффективным, самым безжалостным главой за историю клана. Я укрепляю власть Скорвиус. Но вокруг меня — пустота. Дом замирает в страхе. Город замирает в страхе. Озеро Памяти, источник нашей силы, начинает мелеть. Оно угасает вместе с последними искрами чего-то человеческого во мне.

И когда я, уже очень старая, умираю одна в своей опочивальне, слышу, как по коридорам несётся шёпот: «Умерла Ведьма. Наконец-то». И в этом шёпоте — облегчение.

Меня запомнят, как самого злобного матриарха. Как ту, что чуть не довела свой род до вырождения.

Эта версия меня — холодная, блестящая, абсолютно пустая — возникает передо мной прямо здесь, в белом свете. Она смотрит на меня своими пустыми глазами.

— Вот кем ты можешь стать, — говорит она моим же голосом, но без единой ноты тепла. — Ты возненавидела их. И в этой ненависти потеряла всё, ради чего стоило жить. Ты стала ими. Хуже них. Где грань, Эрика? Где та черта, за которой твоя правда превращается в такую же ложь?

Её слова вонзаются в меня, как лезвия. Это был самый страшный удар. Потому что это была правда. Во мне была эта ярость. Это желание мстить, крушить, властвовать. Я чувствовала её, эту чёрную, маслянистую реку внутри. Озеро просто показало мне, куда она может привести.

Я стояла перед своим отражением, раздавленная болью, ненавистью и страшным осознанием. И тогда из глубины, из-под всех этих нагромождений ужаса, пробился мой собственный, хриплый внутренний голос.

«Нет.»

Это было не громко. Но твёрдо.

Я посмотрела в пустые глаза своего кошмара.

— Спасибо, — прошептала я, и в горле стоял ком. — Спасибо, что показала, кем становиться не стоит.

Призрак-отражение молчал.

— Но я не могу поклясться тебе, что никогда не стану такой, — продолжала я, и с каждым словом внутри что-то укреплялось. — Это жизнь. Она может вывернуть мою судьбу как угодно. Может, я буду доброй. Может, злой. Я не знаю. И для всех я не стану идеальной. Для кого-то я всегда буду плохой, для кого-то — хорошей.

Я сделала шаг навстречу своему кошмару. Свет клокотал вокруг.

— Я могу сказать тебе одно, — голос набрал силу, перекрывая гул. — Я всегда буду стараться поступать по совести. Своей совести. Если обидят меня или моих... я отвечу. Не в сто крат — ровно настолько, насколько нужно, чтобы это больше не повторилось. Но если ко мне придут с добром... я постараюсь ответить тем же. Я не хочу твоей пустоты. Я хочу... жить.

Долгая пауза. Отражение смотрело на меня. И его черты смягчились. Исчезла ледяная пустота.

— А я думала, ты сейчас будешь клясться и божиться, что урок усвоен, — прозвучал голос, и в нём уже не было того леденящего металла. Это был голос самого озера. Древний. Усталый. — Говоришь, что не знаешь, какой станешь. Честно. Глупо. По-человечески. Принимаю.

Образ кошмара рассыпался на миллионы светящихся частиц.

— Расслабься, дитя изгнанников и предателей. Прими свою судьбу. Всю. И светлую, и тёмную. И сделай из неё то, что считаешь нужным.

И я... отпустила.

Перестала сопротивляться боли. Перестала бороться с силой, которая ломала меня. Перестала отгораживаться от чужой памяти и своих страхов. Я позволила всему этому хлынуть внутрь — яростному свету озера, ярости предков, своей собственной боли и гнева. Я позво-

лила этому вихрю смешаться с тем, что было мной — с воспоминанием о тепле отцовских рук, о запахе маминых трав, о смехе Лео, о свободе ветра в пустыне.

Я почувствовала, как внутри рушатся какие-то стены, барьеры, которые я даже не осознавала. Моя собственная, дикая сила, дремавшая во мне, встретила поток силы родовой. Вступила в схватку, поглотила её, переварила и преобразила.

Цвет моей внутренней энергии изменился на глазах. Он был бледно-голубым, как небо над пустыней. Теперь он стал глубоким, тёмно-индиговым, как ночь перед бурей. А в этой тьме вспыхивали и гасли золотые искры — частицы той самой, неукротимой, свободной силы пустоши.

Боль не исчезла. Но она перестала быть пыткой. Она стала... процессом. Перерождением. Я чувствовала, как моё тело, дух, сама сущность уплотняются, закаляются, становятся прочнее.

Я проскочила «Кипящую Кровь». Минула её, как ненужную ступень. Моя сила, моя воля не нуждались в простом очищении. Им требовалась закалка. И озеро дало её сполна.

Я открыла глаза, которых не помнила, что закрывала. Я всё ещё была в столбе света, но он не слепил. Я видела его изнутри — бесчисленные переплетения сияющих нитей энергии, пляшущие в сложном, красивом узоры.

И в мой разум, готовый и пропитанный этой силой, легли знания. Не слова. Не инструкции. Чистые, кристальные умения, отпечатанные в мышечной памяти души.

«Два Пика Льда». Искусство контроля над парными клинками на грани телекинеза. Быстрота, точность, смертоносная грация. Я чувствовала, как должны двигаться руки, как должна течь энергия, чтобы лезвия стали продолжением воли. Пока — только основа. Для настоящей мощи нужны будут особые клинки и годы практики. Создание оружия из одного эфира сейчас слишком расточительно.

«Вакуум». Техника подавления. Как набросить на враждебное заклинание немое, давящее поле, которое гасит чужую магию, как вода гасит костёр. Принцип был знаком — как нейтрализовать яд в отваре, найдя его слабое звено. Начну с малого: с глушения всего, что летит в меня.

«Пустота». Самое тяжёлое. Самое опасное. Создание точки абсолютного небытия, сингулярности, которая дробит и поглощает материю и энергию вокруг. Техника последнего шанса. Удар, требующий чудовищной цены — части собственной жизненной силы, а может, и чего-то большего. Щелчок пальцев — и угроза рассыпается на атомы. Знание о ней пришло с предостережением: «Однажды используя, ты изменишься навсегда».

Я поняла. Озеро отпускало меня. Поток силы ослабевал, превращался из бушующего потока в ровную, мощную реку, что теперь тихо текла где-то в глубине моего существа. Сделала движение, и моё тело послушно развернулось. Я поплыла назад, к берегу. Движения были лёгкими, уверенными, наполненными новой силой. Вода, прежде тягучая, теперь обтекала меня, будто приветствуя.

Я вышла на каменный выступ и замерла.

Воздух пещеры касался кожи, и я чувствовала всё. Каждую молекулу влаги, каждое движение энергии в кристаллах на своде. Я посмотрела на своё тело.

Оно светилось.

Не ярко, а мягким, внутренним голубоватым сиянием, как светлячки в сумерках. И по коже, от плеч вниз, вдоль рук, по рёбрам, на бёдрах — струились, переливаясь, сложные узоры. Похожие на те, что мороз рисует на стёклах. Знаки Закалённого Духа. Печать того, что я не просто выжила. Я переродилась.

Грегор стоял там же, где и оставался. Прислонившись к скале, скрестив руки на груди. Его поза собранная, как у хищника перед прыжком. Его глаза, широко открытые, прикованные ко мне. В них не было ни насмешки, ни холодной оценки. Было потрясение. И что-то ещё. Что-то жадное, тёмное, горячее. Око подсказало... влечение. Он хотел владеть мной.

Мы молча смотрели друг на друга через несколько шагов пространства, наполненного мерцанием пещеры и тихим гулом отзвучавшей мощи.

Грегор оттолкнулся от стены и медленно, не сводя с меня глаз, подошёл. Его шаги были бесшумными. Он остановился вплотную. Его взгляд скользнул по моему лицу, потом опустился вниз, путешествуя по светящимся узорам. Он дышал ровно, но я видела, как напряжены мышцы его шеи, как сжаты кулаки.

Потом он поднял руку. Его пальцы, длинные и уверенные, коснулись моего плеча. Провели по одному из узоров. От плеча — к ключице. Потом вниз, едва касаясь, скользя по коже над самым ребром. Его прикосновение ощущалось тёплым, почти горячим на моей холодной, чувствительной коже. Оно обжигало. Но не больно. Иначе.

От его пальцев побежали мурашки. Всё моё тело, и без того наэлектризованное пережитым, отозвалось на это прикосновение глухой, тёплой волной. Я почувствовала, как напряглись и налились тяжестью соски, как между бёдер возникла странная, пульсирующая пустота, требующая заполнения. Я задержала дыхание.

Он это увидел. Увидел, как дрогнули мои ресницы, как выпрямилась спина. Уголок его рта дрогнул. Не в усмешке. В чём-то более напряжённом. Ректор был рад, что его прикосновения вызвали такую реакцию.

Не говоря ни слова, он наклонился и поднял с камня мою грубую рубаху. Ткань в его руках казалась жалкой, ничтожной тряпкой. Встряхнул её и... не стал одевать сразу.

Грегор обошёл меня, и я почувствовала, как ткань скользит по моей спине. Грубый лён прошёлся по коже, и это было невыносимо чувственно. Затем он накинул рубаху мне на плечи спереди. Ткань, всё ещё хранящая тепло его рук, упала на мои груди, и её шершавая поверхность прошла прямо по возбуждённым, сверхчувствительным соскам.

Я не сдержалась. Из моих губ вырвался короткий, сдавленный стон. Тихий, хриплый, полный непроизвольного удовольствия.

Звук повис в воздухе. Грегор замер.

Всё произошло очень быстро.

Одна его рука вцепилась мне в волосы у затылка, резко откинув голову назад. Другая обхватила талию и притянула меня к нему с такой силой, что наши тела столкнулись. Я почувствовала жёсткие мышцы его торса, твёрдость бёдер. И кое-что ещё... твёрдое, горячее, упирающееся мне в низ живота.

Его губы обрушились на мои.

Это было завоевание. Грубое, безжалостное, лишаящее воли. Его губы раздвинули мои, его язык немедленно проник внутрь, властный, требовательный. Он не просил. Он брал. Вкус его был как будто металлическим, с оттенком чего-то тёмного и пряного — магия и власть. Я попыталась сопротивляться, оттолкнуть его, но он лишь сильнее вжал меня в себя, а его язык продолжал своё наступление, исследуя, завоёвывая, пробуждая во мне ответную бурю.

И я... ответила. Не сразу. Но когда волна тёмного, сладкого возбуждения накрыла с головой, я перестала бороться. Мои губы разомкнулись, мой язык встретил его. Я впилась пальцами в его одежду на плечах, чувствуя под тканью стальные мускулы. Всё моё тело пришло в движение, прижимаясь к нему, ища точку трения, облегчения.

Он оторвался от моих губ, его дыхание было горячим и прерывистым у моего уха.

— Ты... чёртова дикарка... — прошипел он хрипло, и в его голосе не было ни капли прежнего холодного превосходства. Там была чистая, неконтролируемая страсть. — Смотри, что ты со мной делаешь...

Его губы обрушились на мою шею, жадно, без церемоний. Он кусал и сосал кожу, оставляя отметины, которые, я знала, будут синими завтра. Его рука соскользнула с моей талии, скользнула под свободную рубаху, и его ладонь, шершавая и горячая, легла мне на голую спину, прижимая ещё ближе.

Я закинула голову назад, позволив ему делать что угодно, и мои собственные руки потянулись к его голове, вцепились в серебряные волосы, выдернув их из хвоста. Они рассыпались по его плечам шелковистым водопадом.

Он оторвался, его глаза горели в полумраке, как у волка.

— Ты справилась, — прошептал он, и его губы снова коснулись моих, но теперь мягче, почти с нежностью, которая была страшнее любой грубости. — Ты не просто справилась. Ты взорвала все мои прогнозы. Закалённый Дух... Восемнадцать лет... Боги.

Он снова поцеловал меня, глубоко, властно, и я ответила с той же силой.

— Я предупреждал, — он говорил, прерываясь, чтобы целовать уголки моих губ, щёки, веки. — Не позволяй мне заинтересоваться тобой. Но ты... ты просто не могла иначе, да?

Он отстранился, держа меня на расстоянии вытянутой руки. Его взгляд пылал, но в нём уже появилась привычная острая, аналитическая искра. Смесь страсти и расчёта была головокружительной.

— Идём, — сказал он, и голос его снова приобрёл твёрдость, хотя дыхание всё ещё сбивалось. — Я хочу видеть их лица. Хочу видеть, как у них почва уходит из-под ног.

Я только кивнула, говорить пока не могла — видимо, сорвала горло от крика. Поэтому пока пусть поухаживают за мной.

Он резко, почти грубо, поправил на мне рубаху, скрыв светящиеся узоры, но не скрыв их сияния, которое пробивалось сквозь грубую ткань. Потом взял меня за руку — не как наставник ведёт ученика, а как мужчина, заявляющий право. Его пальцы сцепились с моими, железной хваткой.

Мы пошли к выходу из пещеры. Моё тело пело, гудело от переполняющей его силы и от неудовлетворённого возбуждения, которое оставил он. Каждый шаг отдавался эхом в наполненной энергией пустоте внутри меня.

Каменная плита перед тоннелем отъехала сама собой, едва мы приблизились.

И мы вышли.

В преддверии Святыни, в тусклом свете факелов, стоял не только Патриарх Каэл.

Там стоял весь Совет Старейшин. Все те холодные, надменные лица, что смотрели на меня за ужином с презрением. Они выстроились полукругом, в полном парадном облачении, словно ожидая... не знаю чего. Возможно, услышать о моей гибели. Или увидеть сломленную, едва живую тварь, которую можно будет выбросить.

А они увидели совершенно другое.

Я вышла, за руку с Грегором. Босая. В грубой, промокшей рубахе. С мокрыми, спутанными волосами. Но с кожей, что светилась изнутри голубоватым светом, пробивающимся сквозь ткань. И с глазами, в которых горел уже не страх дикарки, а холодный, ясный огонь только что обрётённой мощи.

Наступила абсолютная, гробовая тишина. Даже шорох одежд замер.

Я посмотрела на них своим новым, обострённым Оком Истины.

Их ауры, обычно такие ровные, холодные, сплетённые из высокомерия и цинизма, бушевали. Они трепетали, рвались, искрились шоками разных цветов: яркие вспышки недоверия, клубящиеся чёрные тучи страха, зелёные змейки зависти. И сквозь всего этого — тусклые, но яростные искры надежды, которые они тут же пытались задавить.

Самое древнее чучело в совете, тот самый, что смотрел на меня, как на насекомое, сделал шаг вперёд. Его костлявое лицо было искажено такой внутренней борьбой, что казалось, вот-вот лопнет кожа. Он посмотрел на мои светящиеся руки, на узоры, угадывающиеся под тканью на груди. Посмотрел в мои глаза.

И его старые, высохшие колени, скрипя, подогнулись.

Он рухнул передо мной на одно колено, склонив седую голову. Ритуал почтения, который оказывают только Главе Дома... или его прямому, признанному силой Наследнику.

Как по волшебству, за ним, словно подкошенные, последовали другие. Один. Второй. Третий. Скрип суставов, шелест тканей. Полумрак зала наполнился сторбленными спинами в дорогих одеждах. Они не смотрели на меня. Они не смели.

В их опущенных головах, в дрожащих руках я видела всё ту же гремучую смесь: ужас, что они прозевали рождение новой силы. Зависть, что это не они. И ту самую, дикую, запретную надежду — а вдруг эта сила, эта девчонка из пустоши... сможет изменить что-то? Сможет принести победу? Сможет... возвысить их?

Остались стоять только двое. Патриарх Каэл. И Грегор, который так и не отпустил мою руку.

Каэл стоял неподвижно, как скала. Но его лицо... его лицо было полем битвы. Глаза, обычно столь холодные и расчётливые, метали молнии. В них читалось всё: гнев от того, что планы пошли наперекосяк, шок от масштаба произошедшего, страх перед непредсказуемым фактором... и глубокая, личная, жгучая боль. Боль человека, который только что увидел, как тень его преемника накрыла его самого, ещё живого.

Он смотрел на меня долго. Потом медленно, с невероятным, почти физическим усилием, опустил голову. Не поклонился. Но склонил её в глубоком, почтительном кивке, которого удостоивались только равные. Этот жест стоил ему больше, чем крик или приказ.

— Наследница, — произнёс он. И это слово — тихое, хриплое, наполненное горечью и признанием — повисло в воздухе, как приговор всему старому порядку. — Сила крови признала тебя. Отныне твоё слово в стенах Чёрного Пика имеет вес, равный моему. Пока... ты его удержишь.

Это был новый вызов. Условие. «Удержишь силу — будешь править. Потеряешь — умрёшь».

Я не ответила. Просто кивнула, чувствуя, как холодная уверенность, рождённая в озере, наполняет каждую клетку. Это было знанием своей цены.

И тогда раздался голос Грегора. Он отпустил мою руку и сделал шаг вперёд, встав между мной и склонившимися старцами, будто представляя меня этому миру. Его голос, обычно такой ровный и насмешливый, звучал громко, чётко, с непривычной, почти торжественной резкостью.

— Закалённый Дух. Восемнадцать лет от роду. Минуя Кипящую Кровь, — он перечислял, и каждое слово било по залу, как молот. — Сила приняла её как равную. Как ту, что может нести не только наследие, но и свою волю.

Он повернулся ко мне, и в его глазах пылал тот самый азарт, что я видела в пещере. Смесь триумфа, голода и безудержного интереса.

— Учебный план для обычных учеников, — заявил он, глядя прямо на Патриарха, но говоря для всех, — можно сжечь. Небесная Академия ждала ученицу из рода Скорвиус. Она получит Наследницу. И я, как её наставник и Ректор, ручаюсь... игра только начинается.

Последние слова он произнёс, глядя прямо на меня. И в них было не обещание защиты. Было обещание бури. Он жаждал посмотреть, что я начну, как буду ломать их устои, как заставлю этот чёрствый, холодный мир трепетать.

Я стояла перед ними. Босая, в мокрой рубаше, с волосами, спутанными его пальцами, с губами, запекшимися от его поцелуев, и с кожей, что светилась изнутри печатью новой силы. Внутри не было ликования. Не было гордости.

Был только холод. Тот самый, что родился в пустыне, когда Алтейр угрожал моей семье. Тот, что закалился в чёрной воде, когда я смотрела в глаза своим самым страшным кошмарам. И тот, что теперь кристаллизовался здесь, в этом зале, перед склонёнными врагами и ненадёжными союзниками.

Они думали, что привели в свой дом дикое животное, чтобы посадить его на цепь.

Они ошибались.

Они разбудили Наследницу. И теперь им, всем им, предстояло с этим жить.
Или умереть.

Глава 3

Моё заявление, поданное от имени Клана Скорвиус в Нефритовую Академию Вечного Совершенства, зависло в воздухе, словно пёрышко на лезвии бритвы. Официальная причина гласила: «Уточнение статуса абитуриента ввиду исключительных обстоятельств пробуждения крови». На деле же мой скачок до «Закалённого Духа» за одни сутки разорвал все установленные протоколы. Меня нельзя было определить в общий поток к «суетливым щенкам», как с холодным презрением выразился Грегор. Мне предстояло пройти особый, закрытый испытательный цикл для избранных — «Круг Пробуждённых». Но его начало отодвинулось на три недели.

Двадцать один день. Именно столько времени было у меня, чтобы из дикарки, свалившейся с небес, превратиться в ту, кто сумеет не просто выжить в этом Круге, но и войти в него, как госпожа в свои владения. И начинать нужно было с самого фундамента. С территории.

Мои покои в восточном крыле, при всей своей золочёной роскоши, кишели змеями. Не настоящими, разумеется. Людьми-змеями. Их шёпот за спиной, взгляды, скользящие по моим вещам, когда они полагали, что я не вижу, их ауры, переполненные либо леденящим страхом перед Главой, либо скользкой, готовой к предательству жадностью. Жить в такой атмосфере означало никогда не высыпаться, никогда не расслабляться, всегда чувствовать на коже холод чужих глаз.

Я объявила полную инвентаризацию своего штата. Две горничные, чьё рвение услужить граничило с навязчивостью, а мысли кишели сплетнями для кухонной прислуги, получили «повышение». Одну определили сопровождать караван с редкостями в дальнее поместье Скорвиус. Другую — в помощницы к древней, глухой как пень, но до фанатизма щепетильной хранительнице фамильного фарфора. Долгий путь и вечная пыль стали их уделом.

Их места заняли три женщины, отобранные по тщательнейшему наблюдению.

Первая — Илла. Молчаливая, лет тридцати, с руками, покрытыми паутиной тончайших шрамов — следы работы с ядовитыми травами и летучими реактивами. Бывшая помощница кланового алхимика, попавшая в опалу за «излишнюю самостоятельность суждений». Её аура цвета старого серебра — спокойная, точная, абсолютно лишённая суеты. Она стала моей личной горничной, ответственной за гардероб и... за проверку всего, что могло нести скрытую угрозу. Её молчание было красноречивее любых клятв.

Вторая — Вейра. Пожилая, с лицом, подобным смятому пергаменту, и глазами, видевшими, пожалуй, самих основателей Клана. Бывшая ключница, знавшая каждый потайной ход, каждую забытую комнату и все скелеты в фамильных шкафах за последние семьдесят лет. Её списали «на покой», сочтя старомодной. Для меня же она стала неоценимым советником и хранителем кладовой знаний. Её аура пахла старыми книгами, сухими травами и несгибаемой верностью в наследие.

Третья — Натали. Холодная, наблюдательная, с бесстрастным лицом фарфоровой куклы и острым умом стратега. Вейра шепнула, что Натали служила покойной леди Селине, троюродной тётке, и была её глазами и ушами в высшем свете. После смерти госпожи «опекун» Каэл попытался прибрать её к рукам, но Натали, проявив чудеса дипломатической изворотливости, сумела сохранить шаткий нейтралитет. Я пригласила её на беседу.

— Вы знаете этот гадюшник лучше, чем кто-либо, — начала я, не предлагая ей сесть. Она стояла, идеально прямая, её взгляд был пуст и в то же время невероятно внимателен. — Мне нужен проводник. В мир, где всё решают намёки, показной блеск и клинки в спину. Я предлагаю вам должность моей личной компаньонки и распорядительницы. А также... мою защиту от любых посягательств. Включая Патриарха.

Она не бросилась клясться в вечной преданности. Лишь ответила, медленно, словно взвешивая каждое слово на невидимых весах:

— Вы вступаете на опасный путь, Наследница. Патриарх по-прежнему считает вас своей находкой и, следовательно, своей собственностью. Защищать меня от него — значит открыто бросить ему вызов.

— Он уже получил свой вызов у вод Чёрного Озера, — парировала я, чувствуя, как холодная уверенность, рождённая там, наполняет голос. — Теперь дело за малым — показать, что я не намерена отступать ни на шаг. Вы со мной?

Натали опустила голову ровно настолько, чтобы это выглядело как знак согласия, но не как поклон подчинённой. В уголке её губ дрогнула едва уловимая тень уважения.

— Мне... смертельно интересно увидеть, как далеко вы зайдёте. Да, Наследница. Я с вами.

Так за неделю мои покои преобразились из золочёной клетки с чужими глазами в тихую, неприступную крепость. Теперь, когда я могла дышать полной грудью, не оглядываясь через плечо, пришло время подумать об оружии.

Именно Вейра, принеся вечерний чай, обронила как бы невзначай:

— На базаре Шепчущих Теней, в нижнем кольце, болтают, будто завтра в «Нефритовой Чаше» выставят нечто... леденящее душу. Парные клинки. Шепчут, они поют, когда рядом истинная сила. Название красивое — «Песнь Полуночи». Не пожелаете взглянуть, Наследница?

Я встретила с ней взглядом, и в её старческих, мудрых глазах читалось понимание.

— Благодарю, Вейра. Я посмотрю.

Вечером Натали помогала мне облачиться в платье, которое мы с Иллой подготовили специально для этого выхода. Оно было сшито из плотного бархата цвета грозовой ночи — тёмно-синего, почти чёрного, но при свете факелов отливающего глубоким сапфиром. Крой подчёркивал каждую линию тела, оставаясь строгим и сдержанным, с длинными рукавами и высоким, почти закрывающим горло воротником. Открывающей взгляду только декольте в пиковой форме. Это был наряд женщины, знающей себе цену. На лицо я набросила полупрозрачную вуаль, скрывающую нижнюю часть лица.

Когда тени от Чёрного Пика сплелись в единую чёрную пелену, мы с Натали покинули крепость через потайную калитку, известную лишь прислуге. Нас ждала закрытая, лишённая каких-либо гербов карета с глухими, матовыми стёклами.

Путь в нижнее кольцо стал путешествием в иную вселенную. Сначала нас несли по широким, залитым магическим сиянием проспектам, где воздух был стерильным и пах озоном и холодным камнем. Затем улицы сузились, воздух загустел, пропитавшись ароматами жареной утки, человеческого пота, дешёвых благовоний и отхожих канав. Кричащие вывески ремесленников сменились тусклыми, мигающими символами таверн и контор сомнительного свойства. Наконец, карета свернула в узкий, тёмный, как горло, переулочек и остановилась перед ничем не примечательной дверью из тёмного дерева. Над ней тускло мерцал маленький нефритовый фонарь в форме чаши.

— «Нефритовая Чаша», — коротко бросила Натали, выходя первой. — Помните: здесь ценят две вещи — силу, которой ты обладаешь, и смелость эту силу продемонстрировать. Не пяльтесь открыто. Но и не опускайте глаз в пол. Вы здесь не товар. Вы — покупательница. Ведите себя соответственно.

Дверь открыл безмолвный слуга в маске, изображающей улыбающуюся пустоту. За ним зиял узкий, слабо освещённый коридор, ведущий вниз, в самое чрево здания. Воздух здесь уже был иным — тёплым, влажным, густым, как сироп, от смеси дорогого ладана, табачного дыма, терпких духов, выдержанного вина и чего-то сладкого, дурманящего, возбуждающего

кровь. Доносился приглушённый, будто из-под воды, смех, звон хрусталя, томная, ритмичная музыка незнакомого инструмента.

Мы зашли в главный зал. И вот тут дыхание перехватило у меня по-настоящему.

Пространство погрузилось в полумрак, нарушаемый лишь призрачным свечением разноцветных магических сфер, парящих под кессонным потолком, и тусклым, интимным светом от светящихся жидкостей в бокалах. Вместо стульев — низкие диваны, груды шёлковых подушек, широкие лежанки, застеленные мехами невиданных зверей. Тела на них переплетались в медленных, чувственных танцах, велись тихие, доверительные беседы, совершались откровенные ласки, на которые никто не обращал внимания. Воздух вибрировал от низкого гула голосов, сдавленных смешков, интимного шёпота и этой странной, гипнотизирующей музыки. Это был храм утончённого разврата и безмолвных сделок.

Натали провела меня в ложе на втором ярусе, с хорошим обзором зала, но без вычурных украшений, отгороженную от общего пространства ширмой из резного тёмного бамбука.

— Здесь можно наблюдать, не привлекая сразу всех взглядов, — прошептала она, усаживаясь на циновку. — Смотрите. Запоминайте.

Я впилась глазами в этот омут порока и власти. Почти сразу мой взгляд, отточенный Оком и новым чутьём, выхватил из полумрака две ауры, мимо которых было невозможно пройти.

В самом центре зала, на самом обширном и низком ложе под полупрозрачным балдахинном из золотой парчи, полулежал мужчина. Его внешность нельзя было назвать просто красивой — это была опасная, доведённая до совершенства утончённость. Он был облачён в нечто среднее между роскошным халатом и домашним одеянием из тёмно-бордового шёлка, которое лишь подчёркивало его непринуждённую, хищную грацию. Волосы цвета тёмного мёда рассыпались по плечам шелковистыми волнами. Одной рукой он с ленивой нежностью обнимал за талию хрупкого юношу с опущенными ресницами, другой — медленно вращал в длинных пальцах пустой хрустальный бокал. Его лицо, отмеченное усталой, всепонимающей красотой, было обращено к залу, а глаза цвета старого янтаря скользили по толпе с выражением мягкой, почти милосердной скуки коллекционера, пересмотревшего все свои сокровища.

— Кто... это? — выдохнула я, чувствуя, как по спине пробегает холодок, смешанный с необъяснимым любопытством.

Его аура была сложным коктейлем. Тёплой, обволакивающей, как дорогое вино, но в самой её сердцевине пульсировал холодный, безошибочный расчёт ценителя, оценивающего новый, потенциальный экспонат. От него исходила почти физическая волна спокойной, не подвергаемой сомнению власти, облечённой в бархат чувственности.

— Шепчут, это сам хозяин «Чаш», — так же тихо ответила Натали, наклоняясь так, что её губы почти касались моего уха. — Клан Игнис. Но не правящая ветвь. Младший брат главы. Лорд Кэлен. Говорят, у него... специфические вкусы. Он коллекционирует редкие артефакты и столь же редкие переживания. С ним — как со спящим драконом: прекрасен, смертельно опасен, и разбудить его — значит либо обрести могущественного покровителя, либо бесследно сгинуть. Его влияние раскинулось паутиной по всему континенту. Если что-то где-то продаётся, крадётся или находится — он узнает первым. Он покупает вещи, истории, судьбы. А ещё... он ценит красоту во всех её формах. Без различий. Его внимание — это и величайшая лесть, и смертельный приговор. Если он заинтересуется вами... готовьтесь быть разобранной по частям, изученной до последней мысли и, возможно, помещённой на самую красивую полку в его коллекции.

А в дальнем, самом тёмном углу, на ложе, залитом багровым светом от единственного кроваво-красного фонаря, восседал другой. Он не лежал. Он сидел, как император на троне. Широкоплечий, могуче сложенный, в чёрном камзоле, больше напоминающем лёгкие походные доспехи. Чёрные волосы, туго стянутые в хвост, обнажали высокий лоб и резкое, волевое

лицо, искажённое гримасой глубочайшего, всепоглощающего пресыщения. На его коленях, неподвижная и безвольная, сидела девушка в воздушном, полупрозрачном одеянии. Его крупная, сильная рука, украшенная массивными перстнями, лежала у неё на шее, большой палец время от времени проводил по линии челюсти с рассеянной жестокостью. Это была демонстрация власти. Его глаза, серые и холодные, как зимнее море, метались по залу, выискивая хоть искру, хоть что-то, способное разжечь в нём угасший интерес. Если Кэлен Игнис был утончённым гедонистом, то этот — олицетворял грубую, первобытную силу, облачённую в дорогие ткани.

— А этот? — спросила я, ощутив странное сжатие внизу живота — не страх, а нечто острое, щекочущее нервы, смутное предвкушение.

Его аура, тяжёлая и липкая, как сырая нефть, расплзалась вокруг, давя и требуя немного поклонения. Он смотрел на мир глазами хищника, для которого охота давно потеряла вкус, но инстинкт всё ещё велит рвать и метать.

Натали слегка, но ощутимо сжала моё запястье под столом — предостерегающий знак.

— Раин Вердиг. Наследник клана Огня. О нём ходят мрачные легенды. Говорят, ему наскучило абсолютно всё: власть, богатство, люди. Он ищет того, кто заставит его что-либо почувствовать. Гнев, боль, азарт... Ему безразлично. Он уже сломал немало тех, кто пытался его разжечь. Ломают быстро и без сожалений, если они оказываются слишком хрупкими. Его внимание — это отсроченная казнь. Его опасность в полном отсутствии правил. Единственное правило — его собственная, мгновенная прихоть.

Я наблюдала за этими двумя мужчинами — утончённым ценителем и грубым властителем — и понимала, что очутилась не просто на чёрном рынке, а в самом логове высших хищников этого мира. И моей задачей было сделать так, чтобы они меня не заметили. По крайней мере, пока.

Музыка внезапно сменила ритм, став более тяжёлой, настойчивой, похожей на биение огромного, разгорячённого сердца. Гул голосов стих, смешки оборвались на полуслове. В центр зала, на низкий подиум из чёрного мрамора, вышел аукционист. Молодой мужчина, гибкий, как лоза, с лицом, припудренным серебряной пылью, и глазами — пустыми, холодными зеркалами. Его голос, когда он заговорил, был сладким, гипнотизирующим шёпотом, проникающим в самое сознание.

— Дамы и господа... и те, кто стоит выше столь простых титулов, — он обвёл зал медленным, всевидящим взглядом, и его губы растянулись в улыбке, лишённой малейшего тепла. — «Чаша» предлагает вам сегодня не просто товар. Она предлагает... впечатления. Начнём с малого... чтобы разжечь ваш интерес.

Лоты сменяли друг друга, как картины в спектакле. Первыми вывели юношу и девушку в тонких, позолоченных цепях, с глазами, начисто лишёнными какой-либо мысли. Их продавали как пару рабов, «обученных высшему искусству безмолвного услужения». Какой-то пожилой торговец из среднего кольца, с мутным, болезненным блеском в глазах, вступил в короткий торг с толстым магом в птичьей маске и выиграл, заплатив сумму, от которой у меня сжалось сердце. Кэлен Игнис лишь наблюдал за этим с лёгкой, отстранённой улыбкой, будто оценивая игру актёров в поставленном им же спектакле.

Вторым была шкатулка из чёрного дерева, из которой при открытии вырвался тихий, душераздирающий стон и пополз сизый, зловонный туман. «Дух умершего провидца, запечатанный в момент наивысшего ужаса». Его купил какой-то скрытый в глубокой тени закутанный в тёмный плащ маг с пальцами, дрожащими от нездоровой жадности.

Воздух в зале становился гуще, тяжелее от сгустков чужой похоти, страха и алчности. Запах ладана теперь перебивался сладковатым, тошнотворным душком испаряющейся магической крови и всеобщего напряжения. Я чувствовала, как по спине бегут ледяные мурашки, но заставляла себя дышать ровно и глубоко. Никакой слабости. Ни единого намёка на отвраще-

ние или страх. Натали сидела рядом, неподвижная статуя, но я видела, как напряглись мышцы её скул.

И вот, когда казалось, что чаша отвращения вот-вот переполнится, на подиум, на двух бархатных подушках цвета ночи, вынесли то, что я ждала.

Слово «клинки» казалось кошунственным. Они воплощения самой Полночи. Металл клинков был уникален — матово-чёрный, почти невидимый в полумраке, он словно поглощал любое освещение, превращая лезвия в тёмные провалы в пространстве. Лишь пристально взглядевшись, можно было разглядеть в глубине этой черноты мириады крошечных, мерцающих трещинок — словно кто-то поймал и вмуровал в сталь осколки разбитого звёздного неба. Они лежали неподвижно, но от них веяло тихим, абсолютным холодом, от которого на моей коже выступили пупырышки, а дыхание замерло в груди. Рукояти из тёмного, отполированного до зеркального блеска рога были обвиты серебряной проволокой в виде нисходящей спирали — немое, смертельное приглашение.

Аукционист не стал расписывать их свойства. Он просто склонился над ними и прошептал, и этот шёпот заставил замолкнуть даже музыку:

— «Песнь Полуночи». У них нет истории. Они — сама история. Говорят, они ждут того, чья внутренняя мелодия совпадёт с их собственной. Начинаем.

Когда последнее слово ещё висело в воздухе, я услышала зов.

Глубоко внутри, в самой сердцевине, там, где после Озера спала та новая, ледяная и яростная сила, что-то дрогнуло и запело. Прозвучала тихая, чистейшая, невероятно высокая нота. Вибрация, отозвавшаяся в костях, в крови, в самых потаённых уголках души. Это был приказ. Точный, безошибочный, не оставляющий права на сомнение.

Наша. Ты. Возьми.

Дыхание перехватило. Сердце забилося с такой силой, что звон отдался в висках. Ладони внутри шелковых перчаток стали влажными. Это было узнавание долго потерянной части самого себя. Как если бы отрезанная конечность вдруг ожила и протянулась к тебе из темноты.

Я едва уловила названную стартовую цену. Голос аукциониста донёсся будто сквозь толщу воды, заглушаемый ледяным гулом, что поднимался от клинков и резонировал в моей груди. Но когда он назвал цифру — огромную, такую, за которую в пустоши можно было бы купить целый оазис с источником, — я очнулась. Воздух в зале заискрился плотским азартом.

— Десять тысяч пятьсот! — лениво бросил чей-то голос из толпы.

— Одиннадцать! — парировал другой.

Торги начались. Сжав волю в кулак, я отодвинула навязчивый зов вглубь сознания. Подняла руку, ощущая под пальцами прохладу костяной таблички с вырезанным знаком Скорвиус.

— Двенадцать тысяч от Дома Скорвиус! — чётко возвестил аукционист, и его пустой взгляд на миг остановился на мне.

Голос разума или жадного таракана, слабый, но упрямый, зашептал о пределах моего «бюджета на обустройство», выданного Кланом. Каждая потраченная монета ощущалась как трещина в щите моей будущей независимости. Но клинки гудели в ответ, и этот гул был сильнее, настоятельнее любого довода.

Торг оживился. Седой маг с трясущимися руками выкрикнул:

- Тринадцать!

Торговец в пёстрых одеждах парировал:

- Четырнадцать!

Сумма росла.

С багровой ложи раздался голос. Низкий, спокойный, лишённый эмоций, но перекрывший все остальные, как удар гонга.

— Двадцать пять.

Раин Вердиго. Он не смотрел на клинки. Его серые, леденящие глаза были прикованы ко мне. В них не было интереса к оружию. Там плескалось холодное любопытство хищника, наблюдающего, как отчаянно бьётся в силках яркая, но глупая птичка. Взгляд его словно говорил: «Интересно, насколько ты голодна? Сколько готова отдать? Как изменится твоё лицо, когда поймёшь, что проиграла?»

Цена взлетела до небес. До сумм, о которых я, вчерашняя дикарка, могла лишь смутно мечтать. Всё внутри сжалось в ледяной, тяжёлый ком отчаяния и ярости. Эти клинки были моими. Я чувствовала это каждой клеткой, каждым нервом.

Отдать их? Ему? Человеку, для которого это лишь мимолётное развлечение, способ увидеть моё поражение?

Аукционист уже поднял резную рукоять молотка.

— Двадцать пять тысяч — раз!

Без мысли, на чистом, животном порыве, я встала. Все взгляды в зале — томные, пьяные, алчные — устремились на меня. Я физически ощутила, как тяжёлый, анализирующий взгляд Кэлена Игниса и жгучий, насмешливый взгляд Раина Вердиго впились в меня, будто булавки в бабочку.

— Я добавляю к последней ставке, — мой голос прозвучал в звенящей тишине хрипло, но без тени дрожи. Я достала из складок платья маленький, потёртый кошель из грубой верблюжьей кожи — последний подарок матери перед разлукой. Развязала шнурок и высыпала на свою ладонь три невзрачные пилюли.

От них пахло полынью, выжженным солнцем, пылью далёкой пустоши и чем-то неуловимо древним, чуждым этому миру сияющих дворцов и холодных интриг. Аромат был грубым, диким, неоспоримо настоящим.

— Три пилюли, — мой голос прозвучал не громко, но отчётливо, разрезая густой, наполненный азартом воздух. Я не сводила взгляда с аукциониста, но периферийным зрением видела, как замерла каждая фигура в ложах по краям зала. — Они врачуют душу. От проклятий, въевшихся в память. От эфирной гнили, что разъедает волю изнутри. От тоски, способной обратить в прах даже бессмертного. Их истинную ценность вы знаете. Я ставлю их все три против стоимости клинков.

В зале воцарилась тишина, настолько полная, что слышалось лишь шипение магических фонарей и прерывистое дыхание кого-то из толпы.

Раин Вердиго не изменил позы, но усмешка, игравшая на его губах, застыла, превратившись в что-то более острое. Он медленно перевёл свой тяжёлый, оценивающий взгляд с моей ладони на Кэлена Игниса и обратно. В его серых глазах мелькнула искра холодного, почти математического интереса.

Кэлен Игнис, до этого момента наблюдавший за происходящим с ленивым любопытством коллекционера, изменился. Он перестал перебирать пальцами волосы юноши у своего бока. Выпрямился с той внезапной, кошачьей грацией, которая выдавала в нём хищника, а не праздного гедониста. Его янтарные глаза, обычно томные и полуприкрытые, теперь широко открылись и сузились, оценивая три невзрачных шарика на моей ладони. В них вспыхнул чистый, неразбавленный профессиональный азарт алхимика. Он резко, но без суеты, повернулся к ширме за своей спиной и что-то быстро, отрывисто прошептал кому-то.

Аукционист замер в полной растерянности. Его рука с молотком застыла в воздухе. Он был всего лишь инструментом, красивым говорящим автоматом, и этот сценарий явно не был для него прописан.

И вместо него заговорил Кэлен Игнис. Голос бархатистый глубины и стальной, не терпящей возражений власти.

— Предложение... более чем интригующее, — произнёс он, и каждое слово падало в тишину, как камень в гладь воды, рождая круги всеобщего внимания. — Но «Чаша» не торгует

слухами и поэтическими описаниями. Мы торгуем ценностью, доказанной и взвешенной. — Он медленно поднял изящную руку, и его взгляд, тёплый и любопытный, словно прикосновение перчатки, упёрся прямо в меня. — Позвольте мне их оценить.

Это был ультиматум, облачённый в безупречную вежливость. Взгляд его заиграл неподдельным, почти детским азартом шахматиста.

— Давайте же устроим настоящее представление! Мастер Лян, будьте так добры.

Я чувствовала, как сотни глаз, томных, пьяных, алчных, впиваются в меня. Воздух стал густым от всеобщего напряжения. Сладковатый, иссушающий взгляд Кэлена и колющий, сканирующий взгляд Раина Вердиги скользили по мне, словно пытались прочесть скрытый текст на моей коже.

«Не привлекая лишнего внимания?! Да?! Эрика, да они тебя раздели уже.»

Собрав волю в кулак, я сделала лёгкое движение рукой, подкрепив его тончайшей нитью внутренней энергии, которую теперь ощущала с лёгкостью дыхания. Три пилюли, лежавшие на моей ладони, мягко отделились от руки и, словно три крошечных, тёмных планеты, поплыли в воздухе через зал по направлению к ложе Кэлена. Этот простой акт телекинеза, демонстрация контроля, вызвал новый взрыв шёпота.

Пилюли опустились на низкий столик из чёрного дерева перед Мастером Ляном, который вышел из-за ширмы. Старик даже бровью не повёл. Сначала он посмотрел на них. Его глаза, казалось, помутнели, покрылись плёнкой внутреннего сосредоточения. Он водил взглядом над каждой пилюлей по отдельности, потом над всеми вместе. От его зрачков исходил едва уловимый мерцающий свет.

— Оболочка, — прошептал он, и его голос, сухой и шелестящий, был слышен в мёртвой тишине. — Сплав золы Полыни Бессмертных, что растёт лишь в сердцевине магических бурь, и глины Молчащих Пустошей, вобравшей в себя вековую тишину смерти. Выпечена... в чистом пламени душевной силы. Шаманизм высочайшего порядка.

«Что за чушь он городит? Как будто меня кто-то отпустит в такие приключения? Собрала травы да закинула в печь. Чуть-чуть магии — и пилюля готова. Ну и шарлатан этот мастер.»

Кэлен наклонился вперёд, его янтарные глаза горели. Он словно проверял Мастера. Это было странно.

Затем Мастер Лян сделал лёгкий вдох, прикрыв глаза.

— Аромат... многослойный. Первый пласт — горечь утраты и пепла. Второй — сладость освобождения... и третий... — он открыл глаза, и в них мелькнуло нечто, похожее на благоговейный ужас. — Третий пласт... пустота. Абсолютная, чистая. Основа, на которой можно вышить новую память, новую душу. Рецепт утерян. Техника... немыслима. Откуда?

Наконец, он просканировал. Кончики его пальцев излучили тончайшие лучи серебряистой энергии, которые обволокли одну из пилюль. Она в ответ слабо, очень слабо, засветилась изнутри тусклым, тёплым, медовым светом. В зале кто-то ахнул.

— В сердцевине... законсервированная вспышка ненаправленной эмпатии, — объявил Мастер Лян, и его голос впервые дрогнул. — Чистая суть, способная заполнить трещины в духовной субстанции. Это заплатка для самой ткани души. Для воина, сломленного ужасом битвы. Для мага, отравившегося собственными кошмарами. Для старика, измождённого грузом бессмысленных лет... Бесценно.

Последнее слово Мастера Ляна повисло в воздухе, перерезав тишину, как лезвие. «Бесценно» в устах оценщика «Нефритовой Чаши» это был вердикт, возносящий три невзрачных шарика до уровня легендарных артефактов.

Кэлен Игнис медленно откинулся на подушки. На его усталом, прекрасном лице расцвела улыбка — острая, довольная, как у кота, нашедшего не просто мышь, а диковинную птицу с золотыми перьями. Он повернулся ко мне, и его взгляд был уже другим — в нём плясали огоньки неподдельного уважения, алчного интереса и холодного расчёта.

— Вы принесли в мою «Чашу» головоломку, — начал он, и его бархатный голос приобрёл металлический оттенок абсолютной власти. — И, как любой ценитель прекрасного, я ненавижу оставлять пазл не собранным. — Он сделал паузу, давая всем осознать, что решение уже принято, а аукцион — лишь формальность. — Сделка очевидна. Одна пилюля — более чем щедрая плата за стальные безделушки, пусть и поющие. Мастер Лян всё сказал верно. Три пилюли бесценны.

Старик выдохнул, как будто боялся чего-то или кого-то.

— Однако, — Кэлен протянул слово, наслаждаясь всеобщим вниманием, — отпустить вас с таким сокровищем просто так... было бы с моей стороны верхом неблагоразумия. Вы только что продемонстрировали, что обладаете доступом к ресурсам, о которых этот город мог лишь шептаться в легендах. — Его янтарные глаза сузились, высматривая мою реакцию. — Поэтому я предлагаю обмен любезностями. И на моих условиях.

Воздух в зале снова наэлектризовался. Раин Вердиг, до этого наблюдавший с каменным лицом, чуть наклонился вперёд. Его скука наконец уступила место чему-то живому — ожиданию подвоха, интриги, конфликта.

— Условие первое, — продолжил Кэлен, поднимая изящный палец. — «Песнь Полночи» — ваша. За одну пилюлю. Условие второе: оставшиеся две я выкупаю. Сейчас. Прямо здесь. По той цене, которую сочту справедливой — и поверьте, я буду щедр. Но... — он снова сделал паузу, и в его глазах вспыхнула хитрая, опасная искра, — условие третье и главное. Клинки вы не унесёте с этого аукциона.

В зале пронёсся недоумённый шёпот. Я почувствовала, как Натали едва заметно напряглась рядом.

Кэлен наслаждался произведённым эффектом.

— О, не тревожьтесь, — он мягко махнул рукой, словно отмахиваясь от глупых подозрений. — «Чаша» дорожит репутацией. Они будут ждать вас. В моих личных апартаментах, что на верхнем ярусе. После того как последний лот будет продан и толпа рассеется. Вы заберёте их там. — Он посмотрел на меня с томной, но неумолимой настойчивостью. — Это не просто прихоть. Это мера безопасности. Для вас. Как вы думаете, сколько пар глаз, горящих алчностью и завистью, последуют за вами, если вы выйдете отсюда, держа в руках столь... знаменитые клинки? В моих покоях они — и вы — будете под защитой.

Его логика была безупречной и железной. Он навязывал «заботу», превращая её в невидимую цепь. Он предлагал «спасение», от которого невозможно было отказаться, не показавшись глупой, неблагодарной и — что хуже всего — слабой.

— Это, разумеется, также даст нам возможность... урегулировать финансовую сторону вопроса с двумя оставшимися пилюлями в более спокойной обстановке, — добавил он, и его голос стал сладким, как мёд, налитый в отравленную чашу. — Без лишних глаз и ушей.

Раин Вердиг тихо фыркнул, откидываясь на свои подушки. Он всё понял. Его взгляд, скользнувший по мне, словно говорил: «Ну что, птенчик, попался в красивую клетку?»

Все смотрели на меня. Я стояла, чувствуя, как этот «выбор без выбора» обжигает изнутри. Согласиться — значит добровольно войти в логово одного из самых опасных людей в городе. Отказаться — выставить себя истеричной дурочкой, потерять лицо, клинки и, возможно, безопасный выход из «Чаши». И, что самое главное, продемонстрировать, что я его боюсь.

Я встретила с Кэленом взглядом. Я позволила ему увидеть мимолётную тень размышления на своём лице, даже лёгкую, искусственную неуверенность — то, что он, вероятно, ожидал от «наивной наследницы». А потом я позволила этой тени рассеяться, сменившись выражением холодной, почти благодарственной уступчивости.

— Ваша забота... тронула меня, лорд Игнис, — произнесла я, и мой голос прозвучал ровно, с лёгкой, едва уловимой нотой подобострастия, которое он наверняка счёл бы естествен-

ным. — Вы совершенно правы. Я не подумала о последствиях. Принять ваше предложение о приватном завершении сделки будет... разумно.

Я позволила ему считать, что он переиграл меня. Позволила ему почувствовать себя хозяином положения. В этом была моя маленькая месть и моя тактика. Пусть он недооценивает. Пусть думает, что загнал дикарку в угол своей изощрённостью. Гораздо опаснее было бы показать ему, что я вижу его игру насквозь.

На его губах расцвела улыбка победителя — широкая, обаятельная, полная снисходительного удовольствия.

— Прекрасно! Значит, решено! — Он повернулся к аукционисту, и его тон снова стал повелительным. — Лот «Песнь Полночи» продан покупательнице под знаком Скорвиус! Оплата — одна пилюля душевного бальзама. Торги завершены по этому лоту!

Грохот молотка прозвучал как точка в этом акте спектакля. Шум, смешанный с разочарованием, завистью и любопытством, вновь заполнил зал. Я медленно опустилась на своё место рядом с Натали.

— Вы только что приняли приглашение в пасть дракона, — тихо, беззвучно шевеля губами, прошептала она.

— Нет, — так же беззвучно ответила я, глядя перед собой. — Меня в неё заманили. А это значит, он чего-то хочет. И пока он этого не получил, я в относительной безопасности. Драконы не едят золотые яйца, пока не понимают, как заставить курицу нестись.

Теперь мне предстояло дожидаться конца аукциона и пройти в его личные покои. Туда, где правила диктовал он. Но я только что выиграла гораздо больше, чем клинки. Я продала эти обычные пилюли, которые тут стоили больше двадцати пяти тысяч. Если они узнают, что я такие могу хоть пятьдесят штук в день делать, они разорятся?

Остаток аукциона прошёл для меня в густом тумане отрешённости. Я видела, как меняются лоты, слышала голоса, чувствовала возбуждение и желание мной овладеть с двух лож, но мой разум был целиком занят предстоящей встречей. Всё моё существо было натянуто, как тетива, а где-то в глубине, под слоем тревоги, пульсировал тёплый, настойчивый зов — голод по тем двум клинкам, что ждали меня за закрытой дверью.

Когда последний молоток опустился и публика начала медленно, нехотя расходиться, Натали коснулась моего локтя.

— Пора.

Нас проводили через серию скрытых дверей и изогнутых коридоров, всё выше и выше, в самое сердце «Чаши». Воздух здесь изменился — исчезла слащавая смесь духов и пота, его сменил тонкий аромат старого дерева, пергамента и какой-то редкой, пряной смолы. Наконец мы остановились перед дверью из тёмного, почти чёрного дерева, инкрустированной абстрактными узорами из перламутра.

У двери нас ждал тот самый хрупкий юноша, что был с Кэленом. Его большие глаза смотрели на Натали с немым вопросом. Она кивнула, и он, не говоря ни слова, шагнул вперёд, преградив ей путь. Его жест был мягким, но не допускающим возражений — только я. Натали замерла, её лицо осталось бесстрастным, но в глазах я прочитала вспышку предостерегающей ярости. Она была моим щитом, и её отстраняли.

— Я буду ждать здесь, — сказала она голосом, холодным, как сталь.

Дверь передо мной бесшумно отъехала в сторону.

Кабинет лорда Кэлена Игниса не напоминал ничего из виденного мной прежде. Это многослойная инсталляция, воспевающая утончённый вкус и абсолютную власть. Одна стена прятала за чёрным стеклом аквариум, где в медленном танце плавали существа с переливающимися, флуоресцирующими плавниками; их призрачные блики скользили по всему помещению. Противоположную стену от пола до потолка занимали стеллажи, где в идеальном порядке покоились артефакты, свитки и странные, закупоренные сосуды. А в центре, на низ-

ком столе из полированного эбенового дерева, в чёрном открытом деревянном футляре лежала «Песнь Полночи».

В приватной тишине комнаты их присутствие ощущалось в тысячу раз сильнее. Они ждали. Чёрный металл, вобравший свет, казался живой пустотой, а мерцающие в нём звёздные трещинки тихо пульсировали, словно в такт моему собственному сердцу. Рукояти из тёмного рога манили, обещая идеальное, смертельное слияние с ладонью. Воздух вокруг них дрожал от сдерживаемого холода и беззвучной песни, которую слышала только я.

Я забыла обо всём. О Кэлене, об опасности, о Натали за дверью. Сделав несколько шагов вперёд, и остановилась перед столом. Всё моё существо рвалось к ним, но я сжала пальцы в кулаки, заставляя себя дышать.

Когда моё внимание было полностью поглощено клинками, я пропустила приближение Кэлена.

Не услышала шагов. Лишь ощутила, как воздух за моей спиной сдвинулся, наполнившись теплом и запахом сандала и чего-то медово-сладкого. И его руки обхватили меня за попу.

Он не спрашивал разрешения. Его ладони, удивительно широкие и сильные для такого изящного человека, легли мне на бёдра, а потом скользнули вверх, к рёбрам, и наконец — с уверенным, властным нажимом — обхватили мою грудь. Пальцы Игниса впились в мягкую плоть сквозь бархат платья, изучая форму, вес, отзывчивость. Я застыла, парализованная шоком от такой наглости.

— Не двигайся, — его губы коснулись моего уха, а горячее дыхание обожгло кожу шеи. Он глубоко вдохнул, проводя кончиком носа по линии волос у моего виска. — Боже... Ты пахнешь грозой над пустошью. Пепел, озон и... дикая, неукротённая сила. Восхитительно.

Его тело плотно прижалось к моей спине, и я почувствовала через слои одежды твёрдый, горячий нарост в районе его паха. Он упирался в мою поясницу, демонстрируя грубое, животное влечение, которое его утончённые манеры пытались скрыть. Это была провокация, проверка границ, попытка заставить врасплох и утвердить доминирование самым примитивным способом.

Ярость вспыхнула во мне белым, ледяным пламенем. Она смешалась с отвращением и диким, предательским трепетом, пронзившим тело от точки, где он касался меня, до самых кончиков пальцев.

Долго ждать моей реакции ему не пришлось.

Я не кричала. Не пыталась вырваться. Я просто отпустила себя. Словно плотину в моей душе прорвало. Та сила, что дремала с момента Озера, хлынула наружу сфокусированным, ледяным вихрем. Воздух в комнате затрещал от мороза.

«Песнь Полночи» отозвалась на эту силу.

Оба клинка сорвались со стола, издав пронзительный, вибрирующий звук, похожий на удар по натянутой до предела струне. Они взмыли в воздух, два чёрных штриха, оставляющих за собой шлейфы инея, и замерли в сантиметре от глаз Кэлена Игниса. Остриё одного — у его левого зрачка. Остриё второго — у правого. Морозные узоры на стали вспыхнули ослепительным ледяным сиянием, освещая его красивое, внезапно остолбеневшее лицо снизу.

Тишина. Только моё собственное прерывистое дыхание и едва слышный гул парящих клинков.

Медленно, очень медленно, Кэлен поднял руки в стороны, ладонями вперёд — универсальный жест капитуляции. Но на его губах не было страха. Там расцветала улыбка. Широкая, безумная, восхищённая улыбка сумасшедшего, который наконец-то нашёл себе достойную игрушку.

— Кажется, я перешёл черту, — произнёс он спокойно, не моргая, глядя на лезвия перед своими глазами. — Мои глубочайшие извинения, мадемуазель Скорвиус. Иногда моё любопытство... опережает манеры.

Он сделал крошечный шаг назад, и клинки, словно привязанные к нему невидимыми нитями, проследовали за ним, сохраняя смертоносную дистанцию.

— Давайте вернёмся к нашей сделке, — продолжал он, голос его снова стал деловым, хотя безумная искра в глазах не угасла. — Ваши пилюли — шедевр. Редкость, не имеющая рыночной цены. Поэтому я предлагаю цену... тоже вне рынка. — Он, не опуская рук, двинулся боком, обходя стол. Клинки парили рядом, как два преданных пса. — Кроме уже обговорённой суммы... я даю вам кредит доверия. И пропуск. Ко мне. В любое время. Мой дом, моя информация, мои ресурсы... будут открыты для вас. В пределах разумного, разумеется.

Он подошёл к стеллажу с артефактами, нащупал что-то в резьбе, и часть панели слева бесшумно отъехала, открывая узкую нишу. Внутри мерцало матовое сияние — свет персонального, мгновенного портала.

— Он ведёт до ваших владений. — Он обернулся ко мне, его улыбка стала хитрой, заговорщицкой. — Что касается выигрыша... он здесь.

Он кивнул на стол, где рядом с теперь пустым футляром лежала небольшая прямоугольная пластина из матового чёрного камня, испещрённая мельчайшими светящимися рунами — карта ключ Небесного Банка, сумма на котором заставила бы замереть сердце у самого богатого торговца.

Я сжала волю в кулак. Лёгким движением мысли клинки отплыли от его лица и плавно вернулись в футляр.

Мы стояли друг напротив друга, разделённые столом. В его глазах играло восхищение, жажда, расчёт и то самое безумие коллекционера. Я сделала шаг к столу, взяла чёрную карту. Её прохлада была приятной. Потом обошла стол, остановившись прямо перед Кэленом. Он смотрел на меня, затаив дыхание, ожидая новой выходки.

«Даже бровь приподнялась в немом вопросе. Это мило. Я решила отомстить.»

Не став медлить. Резко, настойчиво, схватив его за воротник шёлкового халата, я притянула его к себе и поцеловала в губы.

Это был поцелуй-печать, поцелуй-вызов, поцелуй-клеймо. В нём ощущалась вся моя ярость, вся собранная сила, весь вызов его миру. Я просто терзала его губы. Он на миг застыл в абсолютном шоке, а потом его руки рефлекторно обвили мою талию, и Игнис ответил — жарко, жадно, с той же безумной страстью, что горела в его глазах. Это была схватка, битва на равных, обжигающий миг чистого, неприкрытого напряжения между двумя силами.

Я отстранилась первой, оставив его слегка запыхавшимся, с распухшими губами и глазами, полными ещё большего, ненасытного интереса.

— До скорой встречи, лорд Игнис, — выдохнула я хрипло. Не оглядываясь, шагнула к порталу. На пороге обернулась. — Натали! Идём! И возьми футляр с кинжалами на столе!

Моя компаньонка появилась в дверях моментально, её взгляд мгновенно оценил ситуацию: меня у портала, Кэлена у стола с распухшими губами и безумной улыбкой. Ни слова не говоря, она взяла футляр и последовала за мной.

Сияние портала поглотило нас. Последнее, что я увидела перед тем, как перенестись, — это взгляд Кэлена. Обещающий. Ненасытный. Говорящий, что игра между нами только началась и он уже не отпустит.

Глава 4

Оставшиеся дни до приглашения в Академию пролетели незаметно. По наводке мудрой Вейры я отыскала заброшенную оранжерею, куда десятилетиями не ступала нога человека. Теперь там пахло не тлением, а свежей сосной, раскалённым металлом и озоновой свежестью малых заклинаний — моя личная лаборатория. Илла помогла достать котлы и редкие реагенты, руки покрылись сеткой мелких ожогов и ссадин (и парочкой подозрительных зелёных пятен — кажется, от выпаривания яда многоножки, но я старалась об этом не думать). Я варила не просто пилюли — я варила моё спасение. Каждая чёртова пилюля «Ясности Ума» была маленькой победой над собственной никчёмностью.

Ночами же спускалась в пустующие цокольные залы, где эхо гуляло по каменным сводам, как призраки былых сражений (или как очень недовольные привидения, которым не нравятся, что какая-то рыжая дура шумит посреди ночи). Моими единственными учителями стали «Песнь Полночи». Я брала их по очереди, чувствуя, как непослушные пальцы ищут хват, как тело, привыкшее к свободе пустыни, отказывается двигаться с нужной, смертоносной грацией. Падала. Царапала стены лезвиями, высекая снопы искр. Ругалась сквозь стиснутые зубы словами, от которых покраснел бы даже бывалый погонщик верблюдов (а он, заявляю ответственно, слышал всякое). Но постепенно, капля за каплей пота и упрямства, я стала чувствовать их баланс, их скрытый голод. Позволила их ледяному зову течь по своим жилам, направляя каждое движение, каждый поворот запястья. Они уже не были просто железом в руках — они становились осязаемым продолжением моего гнева, моей точности, моей молчаливой угрозы. Я училась не фехтовать, а танцевать со смертью в обнимку, и мои молчаливые партнёры понемногу начали поддаваться, признавая во мне свою хозяйку.

Ректора Грегора я избегала как чумы. Потому что в моём сознании мы уже были женаты, нарожали кучу детей и посадили сад во внутреннем дворе. А в реальности мы только поцеловались, и я точно знала: ещё чуть-чуть — и я затащу его в какой-нибудь тёмный угол и совершу все мыслимые и немыслимые преступления против его ректорской непорочности. Я пока не знала, как себя вести с ним. Его тяжёлый, сканирующий, аналитический взгляд я ощущала на своей спине даже сквозь толщину стен. И от этого взгляда у меня внутри всё переворачивалось. И тянуло. И хотелось сделать какую-нибудь глупость. Например, подойти и ляпнуть: «Так, ректор, или ты меня сейчас целуешь, или я иду спать с твоим портретом». Хорошо, что у меня ещё оставались остатки самосохранения.

В назначенное утро на моём столе, рядом с лёгким завтраком из фруктов и орехов, лежал конверт. Кусок плотного, почти кожистого пергамента, испещрённый сложной печатью из расплавленного серебра и нефрита — эмблемой Небесной Академии Вечного Совершенства. Внутри — холодный, безличный приказ. Краткий, как удар кинжала.

«Абитуриенту Эрике Скорвиус. Явиться к Вратам Рассвета для прохождения вступительных испытаний (Круг Пробуждённых). Опоздание равносильно отказу. Неудача равносильна изгнанию. Время: в 12 часов дня. Дата: сегодня.»

Сердце ёкнуло, застучав где-то в самом горле. Глоток чая не смыл комок. Игра, ради которой меня сюда привезли, начиналась по-настоящему. Я посмотрела на своё отражение в медном подносе. Рыжая, лохматая, с зелёными глазами.

«Ну, Эрика, — сказала я себе, — или ты сейчас идёшь и рвёшь всех, или завтра кто-то вернётся в пустошь и твоей семье не поздоровится. Выбор очевиден».

Быстро перекусив и собравшись, я вышла во двор Чёрного Пика.

У ворот стояла карета. Тёмное дерево, серебряная отделка, на дверцах герб: ключ, обвитый змеей. Возница — пожилой мужчина в сером — при моём приближении выпрямился, снял шапку и коротко поклонился.

— Наследница, — сказал он глуховато, но с той ровной, отработанной почтительностью, которая не требует ни подобострастия, ни лишних слов. — Карета подана. Прикажете ехать?

— Доброго утра! В Академию, пожалуйста, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал увереннее, чем колотилось сердце.

Он кивнул, открыл дверцу и замер, пропуская меня внутрь.

Стоило только сесть в карету, как колёса застучали по камню. Внутри пахло старой кожей и чуть-чуть — сандалом. Я откинулась на спинку сиденья, прикрыла глаза. За окном мерно проплывали серые стены внутреннего двора, арка ворот, полосатые тени от решёток.

Карета качнулась, сворачивая на подъём.

Я смотрела в окно.

За ним проплывали сады Фениксов — белые облака цветущих деревьев, подёрнутые утренней дымкой. Бронзовые крыши Игнис. Туманные, почти бесплотные шпиль Унделаин — казалось, тронь их пальцем, и они растворятся в воздухе.

Город уже вовсю проснулся. Где-то внизу, в Нижнем кольце, уже дымили пекарни, торговцы разворачивали лавки, носильщики тащили тюки с товаром. Отсюда, сверху, всё это казалось муравейником — далёким, чужим, не имеющим ко мне отношения.

А мы поднимались всё выше.

Карета свернула на длинный, пологий мост, что тянулся от последнего яруса верхнего кольца в пустоту. По сторонам — только облака, белые, плотные, как взбитые сливки. Впереди — серая дымка, сквозь которую уже угадывались очертания.

А потом дымка расступилась.

И я забыла, как дышать.

Академия выростала из облаков, ярус за ярусом, словно гигантский цветок лотоса, раскрывший лепестки навстречу небу. Белый камень, почти светящийся в лучах рассвета, пронизанный тончайшими прожилками зелёного нефрита. Пагоды с изогнутыми крышами, крытыми синей глазурью, — одна выше другой, уходящие в самое небо. Между ними — парящие мосты, такие лёгкие, что казались нарисованными тушью на шёлке. С них стекали каскады глициний — живые, настоящие, фиолетово-сиреневые водопады, хотя вокруг ещё царила утренняя прохлада.

Ветер донёс запах: цветущая сакура, старая бумага и что-то ещё, неуловимое, похожее на озон после дальней грозы.

«Я здесь, — подумала я. — Я реально здесь. Чёрт возьми, мама, ты бы это видела».

Карета остановилась перед Вратами Рассвета — двумя гигантскими створками из белого нефрита, покрытыми искусной резьбой. Драконы, фениксы, цветы и звёзды — всё это переплеталось в сложный, завораживающий узор.

Возница спрыгнул с козел, открыл дверцу.

— Прибыли, Наследница, — сказал он с тем же ровным почтением.

Я вышла. И чуть не споткнулась. Потому что вокруг уже толпились абитуриенты. Кто-то приехал в роскошных каретах с гербами кланов, кто-то — на летающих дисках в сопровождении наставников. Родители поправляли воротники, слуги тащили багаж, старшие родственники давали последние наставления.

Я стояла одна с сумкой на плече, и ветер трепал мой хвост.

А над всем этим — белые пагоды, парящие мосты, глицинии до самой земли.

«Дикарка из пустоши, — усмехнулась я про себя. — Ну покажи им, где раки зимуют. Точнее, скорпионы».

— Красиво, да? — раздалось рядом.

Я обернулась. Девушка в простом сером платье, тёмные волосы стянуты в тугой пучок, в руках — потрёпанная сумка с картами. Она смотрела на Академию с тем же выражением, с каким смотрят на закат в пустыне, — с тихой жадностью.

— Я Нинель, — сказала она, не отводя взгляда от белых пагод. — Из Гильдии Картографов. Ты впервые здесь?

— Это заметно? — мой голос прозвучал хрипло.

— Ты рот открыла, — она покосилась на меня. Уголки её губ дрогнули. — Я в прошлом году тоже так стояла. Полчаса простояла. Опоздала на вступительное собеседование.

Я закрыла рот.

— Правда? И что случилось дальше? — спросила, чувствуя, как губы сами расползаются в улыбке.

— Пересдавала осенью. — Она пожала плечами. — Ничего, выжила. Академия — она такая. Сначала ест глазами, потом — если повезёт — пускает погреться.

— Прямо как бабушка, — ляпнула я. — Только та ещё и ложкой норвила стукнуть, если слишком близко к плите подходишь.

Нинель моргнула. А потом расхохоталась. Коротко, звонко, искренне.

— Ну, здесь вместо ложки — магические големы. Будь осторожнее.

Я снова посмотрела на белые пагоды, на парящие мосты, на глицинии, стекающие с небес.

— Пускает, — повторила я тихо. — Греться.

— Ага. — Нинель перехватила сумку поудобнее. — Только ты не надейся сильно. Это она снаружи такая красивая. А внутри — всё те же змеи, только в нефритах.

Она развернулась и пошла к Вратам Рассвета.

Я — за ней.

Белый нефрит дрогнул и медленно, беззвучно пополз в стороны, открывая дорогу внутрь.

Шаг. Второй.

Я переступила порог — и оказалась в другом мире.

Внутри Академия оказалась ещё огромнее, чем снаружи. Мы вошли в просторный двор, вымощенный светлым камнем с тёмно-зелёными прожилками — как застывшая река. В центре бил фонтан эфира: прозрачная, мерцающая голубым струя взмывала вверх и рассыпалась тысячами искр, не долетая до земли. Вокруг фонтана стояли скамьи из белого мрамора, на них сидели старшекурсники — кто-то листал свитки, кто-то переговаривался вполголоса, кто-то просто дремал, подставив лицо этому холодному сиянию.

Над головой, соединяя корпуса, висели уже знакомые парящие мосты — но теперь я видела их снизу, и они казались ещё невесомее. По ним шли люди, и шаги их отдавались тихим, хрустальным звоном.

— Не отставай, — бросила Нинель через плечо. — Первогодкам тут бродить без дела не дадут. Съедят и не поморщатся.

Я ускорила.

Мы прошли через двор, миновали арку с вырезанными на ней созвездиями, свернули в широкий коридор. Стены здесь были облицованы белым камнем, но не гладким — по ним вилась искусная резьба: драконы, фениксы, цветущие ветви, бесконечные узоры, уходящие под самый потолок. Между ними, в нишах, стояли статуи. Я не знала этих людей — магов, учёных, воинов, — но все они смотрели вперёд, поверх голов, словно видели то, чего не дано нам.

«Снобы, — подумала я. — Даже после смерти смотрят свысока. Хотя... может, им просто сверху виднее».

Коридор вывел нас в огромный зал. Здесь былолюдно — абитуриенты, распорядители, какие-то люди в мантиях с эмблемами факультетов. Гул голосов отражался от высокого, уходящего в темноту потолка, смешиваясь в неразборчивый, гудящий шум.

Над головами, прямо в воздухе, парили светящиеся указатели. Синие, зелёные, золотые, серебряные — они медленно плыли в разные стороны, и над каждым горели символы, которых я не понимала.

— Так. Тебе на экзамен. А это «Алхимия Сущности», — вслух прочитала Нинель, следя за одним из указателей. — Тебе туда. Западное крыло, второй ярус.

Она кивнула в сторону широкой лестницы, уходящей наверх.

— А ты? — спросила я.

— У меня «Пространственная навигация». Мы в разных корпусах.

Она помедлила секунду, словно хотела добавить что-то ещё, но лишь махнула рукой:

— Не провались. Если что — я буду снаружи. Мысленно поддерживать.

И растворилась в толпе.

«Пофиг, если её кто-то попросил мне помочь, сейчас она действительно помогла мне. Иначе я бы действительно тут потерялась.»

Я осталась одна. Лестница была пологой, ступени — широкими, отполированными до зеркального блеска тысячами ног, прошедших до меня. Я поднималась медленно, чувствуя на себе взгляды. Кто-то провожал любопытно, кто-то равнодушно, кто-то оценивающе — как товар на рынке.

- ...Мясо, — услышала я обрывок фразы.

- С пустоши?

- Да ты посмотри на неё, она же сдохнет на первом же этапе.

Я мысленно показала им неприличный жест. Посмотрим, кто кого.

На втором ярусе было тише. Голоса остались внизу, здесь царил приглушённый полумрак и запах — кисловатый, терпкий, с нотками горелого сахара и сухих трав. Я пошла на запах.

В конце коридора, под высокой аркой, переливалась полупрозрачная плёнка — магический барьер, сквозь который угадывались смутные очертания большого помещения. Над аркой горела надпись: «Испытательный полигон №3. Алхимия. Допуск только для абитуриентов».

Я шагнула внутрь.

Барьер прошёл по коже холодной, быстрой дрожью — и я оказалась в лаборатории.

Это было огромное, круглое помещение под самым куполом. Свет сюда проникал сверху, сквозь матовые стеклянные панели, разливаясь ровным, холодноватым сиянием. Вдоль стен, уходя в глубину зала, тянулись длинные столы, уставленные алхимическим оборудованием. Котлы, колбы, реторты, медные чаши, ступки, какие-то приборы, названий которых я не знала (и, честно говоря, боялась представить их назначение). Над каждым столом висел небольшой парящий светильник, зажжённый тусклым, зеленоватым огнём.

В центре зала, на возвышении, стоял длинный стол из чёрного полированного камня. За ним сидели трое. Экзаменаторы.

Средний, самый старый, привлёк моё внимание сразу. Сухопарый, с острыми ключицами, выступающими из-под тёмной мантии. Кожа на лице — пергамент, испещрённый морщинами. Но главное — глаза. Один, правый, был обычным, выцветшим, старческим. А левый — горел ровным, ярким, изумрудным светом. Магический глаз. Жуткое зрелище. На секунду я даже прониклась уважением — надо же, столько лет таскать в глазнице такое чудо.

Слева от него сидела женщина лет сорока в строгом сером платье. Безупречная осанка, гладкий пучок на затылке, тонкие губы, сжатые в нитку. Она изучала какой-то свиток, водя пальцем по строчкам.

«Классическая строгая тётка, — определила я. — С такой шутки плохи».

Справа — молодой мужчина, почти юноша, в свободной мантии с гербом Вердиго. Скусающий взгляд, расслабленная поза, пальцы выбивают дробь по столешнице. Ему здесь явно было неинтересно.

«Ещё один Вердиги, — подумала я. — Мелкий. Надеюсь, характер у него получше, чем у того... который в ложе».

Остальное пространство заполняли абитуриенты. Их было много — десятка два, не меньше. Кто-то уже колдовал над котлами, кто-то растерянно топтался у столов в поисках свободного места, кто-то стоял с побелевшим лицом, глядя на ингредиенты, как на приговор.

Я нашла свободный стол в середине зала. Подошла.

На столе, на простом медном подносе, лежали ингредиенты. Сушёные корни грозовника — узнаю по тёмным прожилкам. Измельчённые листья среброклёна. Капля застывшей смолы, янтарно-жёлтой. И рядом — кусочки гнилой древесины, высушенные поганки, мутная жидкость в пузырьке, от которой даже на расстоянии щипало в носу.

«Отлично, — усмехнулась я про себя. — Классика: половина ингредиентов — лекарство, половина — яд. Угадай, где что, и не сдохни.»

Голос экзаменатора, сухой и скрипучий, прокатился под куполом:

— Задача: пилюля «Ясности Ума». Время — час двадцать минут. Ингредиенты не взаимозаменяемы. Ошибка в выборе — отравление. Приступайте.

Я перевела дыхание. Закрыла глаза.

В ушах встал шум ветра пустоши, в носу — стойкий, родной запах маминых сушёных трав, смешанный с дымом костра. Мои руки, покрытые свежими и старыми ожогами, двигались сами, будто продолжали давно заученный танец в моей тайной оранжерее. Я не просто смешивала — я слушала реакцию, чувствовала кожей, как эфирные потоки в ингредиентах сопротивляются или сливаются в гармоничный аккорд.

Когда время вышло, я выложила на судную тарелку не одну, а три идеально круглые, матово-серебристые пилюли, от которых исходил лёгкий, чистый аромат горькой полыни и свежего, первого снега.

Сухопарый старец с зелёным глазом поднял седую бровь, беззвучно поставил в моём свитке отметку — маленькое, пылающее пламя — и махнул рукой:

— Следующий.

Я выдохнула. Кажется, пронесло. Даже зелёный глаз не спалил меня на месте.

— Ну как? — спросила Нинель, стоило мне только выйти за дверь.

Она стояла, прислонившись плечом к стене у окна. В руках — та же потрёпанная сумка с картами. Лицо невозмутимое, но в глазах любопытство — живое, острое.

Я молча вытащила из-за пояса личный свиток, развернула.

Она глянула. Уголок её рта дёрнулся — едва заметно.

— Три пилюли и «пылающее пламя»? — переспросила она тихо, и в голосе проскользнуло что-то похожее на уважение. — У этого старого скряги Игнис?

— У него.

— И он просто поставил отметку?

— Поднял бровь и поставил.

Нинель выдохнула. Не то чтобы фыркнула, но очень близко к тому.

— Ладно, — сказала она и отклеилась от стены. — Значит, так. Следующий этап — «Танец Стали и Пламени». Арена. Там не пилюли варят. Там мясо рубят.

— Я догадалась.

— Идём. Провожу, пока ты не заблудилась. А то будешь плутать по коридорам, пока голодные големы не найдут.

Я фыркнула и пошла за ней.

Мы спустились по широкой, пологой лестнице, миновали зал с парящими указателями, пересекли двор с эфирным фонтаном. Несколько искр упали мне на плечо — холодные, колючие, исчезли, не оставив следа.

— Там смотри, — бросила Нинель через плечо, не сбавляя шага. — На арене свои законы. Голем, три минуты, выжить любой ценой. Големы там — не учебные, боевые, специально для этого этапа. Сила нарастает с каждой секундой, и если будешь тянуть — размажет.

— Прямо размажет?

— У них там швабры специальные есть, для уборки, — серьёзно кивнула Нинель. — Я не шучу. Видела прошлогодние записи.

Я сглотнула. Весело тут у них.

— Но ты, — она покосилась на мои ножны, — ты с оружием. Уже преимущество.

— А без оружия что, голыми руками?

— Некоторые идут. — Она помедлила. Шаг её стал чуть медленнее. — Не возвращаются.

Мы вышли к высоким, кованным из тёмной бронзы дверям. От них тянуло холодом и едва уловимым запахом озона — тем самым, что бывает после сильной грозы. Над дверями горели руны, древние, пульсирующие тусклым алым светом.

— Дальше сама. — Нинель остановилась у входа. — Я на эту секцию не записана.

Она помолчала. В зелёных глазах мелькнуло что-то — не страх, нет, скорее предостережение.

— Но если что... — Она не договорила. Просто кивнула и отошла к стене, где уже толпились зрители.

Я толкнула дверь.

Арена встретила меня гулом.

Огромная, круглая чаша из тёмного песчаника уходила вниз, словно кратер древнего вулкана. Мерцающий малиновый барьер пульсировал по краю, и от него шла такая густая вибрация, что у меня заломило в висках. Воздух здесь был другим — тяжёлым, сухим, с горьким привкусом озона и раскалённого металла.

Трибуны поднимались вверх ярусами, битком набитые людьми. Студенты в цветах своих кланов — бордовые пятна Вердиги, золото Игнис, серебристая дымка Унделайн. Преподаватели в строгих мантиях. Зеваки, пришедшие поглазеть на чужую боль или чужой триумф.

Гул голосов отражался от каменных сводов, смешиваясь в один непрерывный, гудящий шум.

Я сразу заметила Раина Вердиги.

Он развалился в специальной ложе, и сама его поза кричала о смертельной скуке. Мощная фигура в чёрно-бордовом камзоле, расшитом серебряными скорпионами. Нога, небрежно закинута на ногу. Одна рука лежала на подлокотнике, пальцы лениво выбивали дробь по полированному дереву.

На коленях у него, как живая подушка, сидела девушка.

Та самая. Из «Нефритовой Чаши». Те же полупрозрачные одежды, та же хрупкая, безвольная красота. Его большая рука, униженная массивными перстнями, лежала у неё на шее. Не сжимала — просто лежала. Собственническая.

Большой палец время от времени проводил по линии её челюсти — медленно, рассеянно, почти ласково. И в этой ленивой, почти неосознанной ласке чувствовалась такая спокойная, привычная жестокость, что у меня на миг перехватило дыхание.

Глаза его — серые, холодные, как ледники на дальних пиках Скорвиус — скользили по арене, не задерживаясь. Он смотрел и не видел. Искал и не находил.

Ничего, что могло бы зацепить его мёртвый интерес.

Я отвела взгляд. Заставила себя дышать ровно. Не время.

В центре арены, лицом к трибунам, стоял экзаменатор.

Я сразу поняла, кто он. Не по бордовому плащу, наброшенному на походные латы. Не по осанке полководца, в которой чувствовалась привычка командовать, а не просить. Не по латам

из тёмной стали, иссечённым глубокими царапинами — следами клинков, которым повезло больше, чем их хозяевам.

Я поняла по лицу.

Мужчина лет пятидесяти. Время и война вырезали его черты неровно, торопливо, без жалости к материалу. Глубокий шрам — от левого виска до самого угла рта — стягивал кожу, придавая лицу выражение вечной, застывшей усмешки. Но глаза... глаза были старыми. Очень старыми. Такими бывают глаза у волков, которые пережили свою стаю и теперь бродят в одиночку, потому что так привыкли.

Взгляд старого волка, который видел столько чужих страданий, что собственные уже не чувствует.

— Правила проще пареной репы, детишки.

Его голос — хриплый, протёртый гравием боёв, сотнями выкрикнутых приказов — перекрыл нервный гул толпы. Шум стих мгновенно, будто кто-то перерезал струну.

— Выживите. Три минуты.

Он не повышал голос. Ему это было не нужно.

— Голем запрограммирован на случайные атаки. Сила и скорость растут с каждой секундой. Уклоняйтесь, блокируйте, контратакуйте — мне плевать. Сломаетесь, сгорите, обделаетесь от страха — ваши проблемы.

Он сделал паузу. По изуродованному шрамом рту медленно, со вкусом, проползла ухмылка.

— Маги-целители дежурят.

Пауза стала длиннее. Он дал нам время осознать.

— Но, как показывает практика... иногда они просто не успевают.

Он обвёл взглядом трибуны. Не торопясь. Смакуя тишину.

— Кто хочет проявить «недюжинную доблесть»? — Голос его сочился сарказмом, густым, как патока. — Или будем тянуть жребий?

Жребий тянули.

Мне выпало быть третьей.

Первые два абитуриента — пухлый юноша из Игнис в бронзовых наручах и нервная девушка с гербом какого-то малого дома, похожая на испуганную птицу — продержались меньше минуты.

Парня голем просто швырнул о барьер. Я услышала хруст ломающихся рёбер даже сквозь гул трибун. Он не закричал — только выдохнул, коротко и хрипло, и осел на песок бесформенным мешком.

Девушка пыталась читать защитное заклинание. Её пальцы дрожали, голос срывался. Она не успела. Удар кулака в голову — глухой, влажный звук, от которого у меня свело желудок.

Она рухнула, даже не вскрикнув.

Их уносили двое в серых робах. Молча. Быстро. С профессиональной, отточенной привычкой. Они делали это сотни раз.

В ложе Раина Вердиги даже бровь не дрогнула. Его пальцы всё так же лениво выбивали дробь по подлокотнику.

Только губы искривились в брезгливой гримасе.

— Скукотища, — одними губами, беззвучно.

Но я прочитала.

— Скорвиус! Эрика Скорвиус! К арене!

Воздух стал густым и тяжёлым.

Сотни глаз впились в меня. Я чувствовала их на своей коже — липкие, жадные, любопытные. Злорадные взгляды тех, кто пришёл посмотреть, как очередного неудачника размажут по песку.

Отдельно — тяжёлый, давящий взгляд Раина.

Он даже не повернул головы — только перевёл глаза. Но в этом взгляде уже не было прежней скуки. Узнавание. Интерес.

Искра, которой не было раньше.

Он узнал меня.

И где-то сбоку, в тени колоннады, я уловила другое присутствие. Знакомое. Острое. Аналитическое. Грегор. Ректор наблюдал. Конечно, наблюдал. Как же без него.

«Спектакль для двоих, — подумала я, ступая на песок. — Ну держитесь, мальчики. Сейчас будет шоу».

Сапоги мягко утонули в песке по щиколотку — холодный, сыпучий, он обступал со всех сторон, приглушая шаги. Плащ остался на трибуне. Только простые тренировочные штаны, заправленные в высокие сапоги с жёсткой подошвой, обтягивающий корсаж из тёмной кожи и ножны за спиной.

Волосы я так и не собрала — не было времени, да и смысла. Пусть треплются, пусть мешают. Мне не нужна идеальная картинка.

Я вынула клинки.

«Песнь Полуночи» лежали в моей ладони, и знакомый холод мгновенно пробежал по рукам — от запястья к плечу, от плеча к сердцу. Успокаивая. Фокусируя.

Чёрный металл, вобравший в себя весь свет арены, мерцал едва заметными звёздными трещинками. Они пульсировали в такт моему пульсу.

Голем в центре арены ожил.

Беззвучно. Он просто повернул свою гладкую, отполированную до зеркального блеска «голову» — и посмотрел на меня.

В чёрной, идеально ровной поверхности я увидела своё отражение.

Бледное лицо. Рыжие волосы, разметавшиеся по плечам и спине диким, непокорным пламенем. Зелёные глаза.

В них больше не было страха.

Холодная, ясная, абсолютная решимость.

Он ринулся.

Быстрее, чем я ожидала. Каменный кулак, размером с мою голову, обрушился на меня с простой, неумолимой силой.

Мир сузился.

До этого кулака. До песка под ногами. До ледяного узора на клинке в моей руке.

Я не стала уворачиваться в прыжке — это было бесполезно, голем двигался слишком быстро. Не пыталась заблокировать в лоб — это было самоубийством, его удар раздробил бы мне руку вместе с клинком.

Я сделала короткий, резкий шаг навстречу.

В сторону удара. В мёртвую зону — туда, куда он не мог дотянуться с этой траектории.

Клинок в моей руке перестал быть просто оружием. Он стал продолжением предплечья. Жёсткой стальной костью. Я подставила его под углом, приняв страшный удар на плоскую часть лезвия.

ДЗЫНЬ-НЬ-НЬ-НЯЯЯЯНЬ!

Звон — оглушительный, высокий, пронзительный, как крик раненой птицы — разнёсся под куполом. Он ввинтился в уши, отдался в зубах, загудел в костях. Вибрация ударила по руке, по плечу, по всему телу — и я устояла.

Ноги не подкосились. Позвоночник не сломался.

Я устояла, чёрт возьми!

Используя инерцию голема, уже проносящего мимо свой каменный кулак, я вписалась ему «под руку». Как змея, скользнула в просвет между массивной тушей и быющей конечностью. Слишком близко, слишком опасно — но это была единственная возможность.

Чёрный клинок, невидимый в суматохе движения, черкнул по едва заметному шву на боку голема.

Тому самому, который Око Истины показало мне ещё до начала схватки. Тонкая, волосяная трещина в идеальной, казалось бы, конструкции.

Голем застыл.

Всё его массивное, не знающее усталости тело дрогнуло. Из шва брызнули снопы синих искр — ярких, шипящих, пахнувших горелой изоляцией и раскалённым металлом. Механизм внутри застонал, захрипел, пытаясь перестроиться, компенсировать повреждение.

Он замер в нелепой, неестественной позе — рука всё ещё вытянута вперёд, кулак сжат, но сила уже ушла из него, испарилась вместе с синими искрами.

А затем медленно — так медленно, словно не желая признавать поражение — голем рухнул на песок.

Глухой, тяжёлый стон умирающего механизма.

И тишина.

Абсолютная, звенящая тишина, в которой было слышно, как шипят последние искры на боку поверженной машины.

Тишина длилась секунду. Две.

А потом арену взорвал шквал.

Возмущённый, восхищённый, злой, недоверчивый шёпот, переходящий в гул, в рёв, в хаос голосов, которые не могли поверить своим глазам.

Я подняла глаза.

В ложу Раина Вердиго.

Теперь он смотрел.

Скука испарилась, словно её никогда и не было. Исчезла брезгливая гримаса, исчезла ленивая расслабленность. В серых, ледяных глазах — тех самых, что напоминали ледники на дальних пиках — зажглась искра.

Не восхищение. Нет. Это был не тот взгляд, каким смотрят на победителя.

Это был интерес хищника, который наконец увидел в лесу другого хищника.

Пусть меньшего. Пусть неопытного. Пусть вышедшего на охоту впервые.

Но — хищника.

Интерес, смешанный с вызовом. И смутным, тёмным, опасным любопытством.

Его губы, прежде поджатые в гримасе отвращения, слегка приоткрылись. Казалось, он хотел что-то сказать. Окликнуть меня. Остановить.

Девушка у него на коленях почувствовала перемену — её хрупкие плечи напряглись, она подняла на него испуганный взгляд. Но Раин даже не посмотрел на неё. Всё его внимание было приковано ко мне.

И в этом внимании было что-то... липкое. Тягучее. Будто он уже мысленно раздел меня, оценил, прикинул, на что я способна в других обстоятельствах. И нашёл... интересной.

Очень интересной.

У меня по спине пробежал холодок. Предвкушение. Потому что я знала этот взгляд. Так смотрят на добычу, которую хотят не убить, а... приручить.

Или затащить в постель.

Или и то, и другое одновременно.

«Ну уж нет, — подумала я, — со мной этот номер не пройдёт. Я не девка из "Нефритовой Чаши", я Эрика Скорвиус, и я кусаюсь.»

Но где-то глубоко внутри, в самом низу живота, предательски ёкнуло. Потому что Раин Вердиго, при всей его мерзости, был... впечатляющим. Очень впечатляющим. И этот его взгляд... он задел что-то такое, о чём я старалась не думать.

Я отвела глаза первой.

Не потому что проиграла в этой безмолвной дуэли — а потому что мне нужно было уйти. Пока я не наделала глупостей. Пока мои колени не вспомнили, что они женские, а не только боевые.

Опустила клинки. Один отточенный, небрежный, почти ленивый жест — и лезвия с тихим, удовлетворённым звоном встали в ножны за спиной.

Повернулась и пошла к выходу.

Не оборачиваясь на поверженного голема, который всё ещё лежал на песке, окружённый лужицей синего, дымящегося масла.

Не глядя на трибуны, где сотни людей пытались осознать, что только что произошло.

Не поднимая глаз на ложу, где Раин Вердиго провожал меня взглядом, от которого у меня до сих пор холодела спина.

В спину мне бился шквал.

Уже других взглядов. Не презрительных. Не злорадных. Не жаждущих моей крови.

Оценивающих. Пересматривающих. Изучающих.

Боящихся.

С трибун не раздалось ни одного хлопка.

Но тяжёлый, пристальный, ненасытный взгляд Раина Вердиго — и острый, невысказанный, аналитический интерес из тени колоннады, где стоял Грегор, не проронивший ни слова, ни звука, ни движения, — были красноречивее любых оваций.

Я только что нарушила сценарий.

И, кажется, вляпалась в историю покруче, чем предполагала.

У выхода меня ждал распорядитель. Молча протянул руку. Я отдала свиток.

Он поставил отметку, даже не взглянув на меня. Просто ткнул пальцем, и на пергаменте вспыхнул символ — стилизованный клинок, рассекающий пламя.

— Иди, — бросил он. — Третий этап. Коридор направо, потом прямо до конца.

И я пошла куда послали.

Коридоры сменяли друг друга — светлые, пустые, с высокими потолками и редкими статуями в нишах. Где-то далеко гудела толпа, но здесь было тихо. Только мои шаги и эхо.

В конце коридора меня уже ждал другой распорядитель. Бесстрастный, в серой форме, с табличкой в руках.

— Эрика Скорвиус? — даже не спросил, просто уточнил. — Третий этап. За мной.

И я пошла уже за ним.

Мы остановились перед тяжёлой дверью из белого металла. Ни таблички, ни ручки — просто гладкая плита в стене.

— Внутрь, — сказал распорядитель и, не дожидаясь ответа, развернулся и ушёл.

Я толкнула дверь. Она поддалась без звука.

Комната за ней была круглой и абсолютно белой. Ни углов, ни окон, ни единой точки опоры для взгляда — стены плавно переходили в пол, пол в потолок, и вся эта бесконечная пустота давила на глаза, на кожу, на сам разум. Свет здесь был везде и ниоткуда — ровный, слепящий, от которого через секунду начинало ломить в висках.

В центре комнаты, на небольшом возвышении, стоял человек. Пожилой маг в белых одеждах, с лицом, изрезанным глубокими морщинами. Он даже не взглянул на меня — только кивнул куда-то в сторону, где у стены стояли ещё несколько абитуриентов. Я узнала некоторых — они тоже прошли первые два этапа.

— Ждите, — сказал он тихо, но в абсолютной тишине его голос прозвучал как удар гонга.

Мы ждали.

Один за другим абитуриенты заходили в центр комнаты, туда, где воздух дрожал сильнее всего. Кто-то выходил сам, шатаясь, с мокрым от пота лицом. Кого-то выносили.

Потом назвали моё имя.

Я шагнула в центр.

Воздух здесь был другим — густым, вязким, он давил на сознание, выворачивал его наизнанку, пытался растворить в этой белой, беззвучной пустоте.

— Задача, — голос мага донёсся будто издалека, — впустить силу. Не бороться. Показать, что она — твоя.

Я закрыла глаза.

Давление обрушилось, как лавина. Внутри всё кричало и рвалось наружу, защищаясь. И тогда я... отпустила. Все заслоны. Всю защиту. Позволила ледяной, могучей реке силы из Озера Памяти, дикому, неукротимому огню пустоши и холодному, пронзительному свету Ока Истины вырваться на свободу.

Я не сопротивлялась потоку. Я слилась с ним. Приручила. Пропустила через себя. Подчинила.

В воздухе зазвенели невидимые, ледяные струны. По безупречно белым стенам поползли причудливые, мерцающие синим узоры из инея. А в самом центре комнаты, на уровне моей груди, сгустилась и завибрировала маленькая, дрожащая точка абсолютной черноты — неконтролируемый, опасный эхо-импульс той самой запретной техники «Пустота», тайну которой вложило в меня Озеро.

Комната содрогнулась.

Я открыла глаза.

Дверь распахнулась раньше времени. На пороге стоял маг, который проводил испытание. Лицо его было белым, как стены вокруг.

— Достаточно, — выдохнул он.

Мне вернули свиток. В графе последней отметки стояла не просто оценка — целая шкала, заполненная до девятой черты из десяти возможных.

Я вышла из белой комнаты, и дверь за спиной бесшумно втянулась в стену. В коридоре было тихо и пусто — только далёкие шаги где-то внизу да гул голосов, доносившийся сквозь каменные перекрытия.

Честно? У меня слегка подкашивались колени. Не от страха — от перенапряжения. Такое чувство, будто меня выжали как тряпку, а потом собрали обратно и забыли пару деталей прикрутить. Но свиток в руках грел ладонь, и эта маленькая, пылающая девятка успокаивала лучше любого эликсира.

Я спустилась по лестнице, прошла мимо статуй, свернула в галерею — и чуть не столкнулась с Нинель.

Она стояла, прислонившись к стене у окна, с той же потрёпанной сумкой в руках. Увидела меня, скользнула взглядом по лицу, по свитку, который я всё ещё сжимала в пальцах.

— Живая, — констатировала она. Не спросила — просто отметила факт. — А я уж думала, придётся тебя по кусочкам собирать. Там такой грохот был... Весь этаж трясло, Эрика. Говорят, у ректора в кабинете чернильница упала. Дважды.

Я моргнула. Потом до меня дошло, и я рассмеялась. Звонко, громко, может, даже слишком — но после всего, что было, мне нужно было это сделать.

— А ты? — спросила я, чувствуя, как губы сами расползаются в улыбке.

— Прошла дальше. — Она пожала плечами. — Картографам легче — мы не лезем в эти ваши драки и алхимию. Нам главное — карты читать и в руинах не заблудиться. Максимум — заблудших первокурсников выводить. Так что я в безопасности.

Она помолчала, разглядывая меня с каким-то новым, оценивающим выражением.

— Ну и как? — кивнула на свиток.

Я развернула. Нинель глянула — и уголок её рта дёрнулся. Потом второй. Затем она присвистнула. Тихо, но выразительно.

— Девять из десяти? — переспросила она, и в голосе проскользнуло что-то похожее на благоговейный ужас. — Ты вообще человек?

— Сама не знаю, — честно ответила я. — Но вроде пока не кусаюсь. Хотя после этого этапа ничего не обещаю.

Она фыркнула. Коротко, но без злости.

— Ладно. Идём. — Она отклеилась от стены. — Сейчас результаты оглашать будут. Я знаю, куда идти. Там такое начинается... Первогодки давятся, старшекурсники злорадствуют, преподаватели делают умные лица. Цирк, а не мероприятие.

— Ты не хочешь узнать свои? — удивилась я.

— Узнаю. — Она уже шагала по коридору, даже не обернувшись. — Но с тобой веселее. Тем более после того, как ты там устроила... я должна это видеть своими глазами.

Я пошла за ней.

— Слушай, а что там с чернильницей ректора? — спросила я, догоняя. — Правда упала?

— Говорят, даже два раза. — Нинель покосилась на меня с хитрой улыбкой. — Первый раз — когда ты на арене голема завалила. Второй — когда на третьем этапе рвануло. Так что теперь ты официально — девушка, от которой у ректора чернильницы падают.

Я фыркнула. Звучало как сомнительный комплимент, но мне нравилось.

— Идём, — сказала я. — Покажешь мне потом, где тут у них лавочка с едой. Я после такого стресса заслужила хотя бы пирожок.

— В Академии не лавочка, а Небесная Трапезная, — поправила Нинель с важным видом. — И пирожки там не простые, а усиливающие ци.

— Лишь бы с мясом, — отмахнулась я. — На ци мне плевать, я голодная как стая голодных скорпионов.

Нинель хмыкнула, но ничего не сказала.

Мы спустились ещё ниже, прошли через двор с эфирным фонтаном, миновали арку с созвездиями. Нинель вела уверенно, лавируя в толпе абитуриентов, которые тоже стекались к главному залу. Народу было — яблоку негде упасть. Кто-то возбуждённо перешёптывался, кто-то, наоборот, брёл с опущенной головой, уже зная свой приговор. Запахи духов, магии и волнения смешивались в один густой, пьянящий коктейль.

— Дыши глубже, — посоветовала Нинель, заметив моё лицо. — Скоро привыкнешь. Или умрёшь от вони. Третьего не дано.

— Оптимистично, — буркнула я.

Главный зал Академии оказался огромным. Белый камень, высокие своды, парящие светильники под самым потолком. Здесь былолюдно — абитуриенты, распорядители, преподаватели в мантиях разных цветов. Гул голосов отражался от стен, смешиваясь в непрерывный, гудящий шум.

Нинель нашла свободное место у колонны и встала рядом, прислонившись плечом к холодному камню. Я же последовала её примеру, чувствуя, как камень приятно холодит спину через тонкую ткань.

— Сейчас будет, — сказала она негромко. — Смотри не упади в обморок от счастья. Или от горя. Тут всякое бывает.

— Постараюсь, — усмехнулась я.

На возвышение в центре зала поднялся маг в тёмно-синей мантии — сухой, высокий, с лицом, не выражающим ничего. Абсолютно ничего. Как будто его вырезали из дерева и забыли добавить эмоции. В руках он держал длинный свиток, испещрённый светящимися символами.

— Итоговые результаты вступительных испытаний, — его голос, усиленный магией, разнёсся под сводами, перекрывая гул толпы. — Будут оглашены поименно с распределением по факультетам.

В зале повисла тишина. Даже те, кто уже знал, что провалился, замерли, вслушиваясь.

Он начал перечислять. Имена, фамилии, места, факультеты.

— ...Игнатъев Пётр — пятьдесят второе место, факультет Общей Алхимии.

— Вонг Линь — тридцать восьмое место, факультет Боевых Искусств.

— Соколова Анна — сорок пятое место, факультет Пространственной Навигации.

Кто-то радостно вскрикивал, подпрыгивая на месте. Кто-то опускал голову и молча уходил, сжимая кулаки. Кто-то просто стоял с каменным лицом, принимая поражение или победу с одинаковым безразличием.

Я слушала вполуха, разглядывая толпу. Сердце колотилось где-то в горле. Я уже знала, что прошла — свиток с девяткой был у меня в руках. Но куда? Куда меня распределят?

— ...Лань Линь Яо — двенадцатое место, факультет Стихийной Магии.

— Светлова Дарья — девятое место, факультет Боевой Алхимии.

Девятое место. Боевая Алхимия. Я сглотнула. Это могла быть я. Но была не я.

— Скорвиус Эрика — седьмое место...

Я замерла. Всё внутри сжалось в тугую, горячий комочек.

Маг сделал паузу. Такую долгую, что я успела проклясть всех богов и демонов пустоши. А потом его бесстрастный голос вдруг приобрёл едва уловимые нотки — то ли уважения, то ли удивления:

— ...Элитный Корпус Наследников.

Тишина в зале стала абсолютной.

А потом зал взорвался.

Шёпот, похожий на шипение разъярённых змей, пополз по рядам. Головы поворачивались, глаза искали — кто? Кто эта счастливица? Кто эта выскочка, посмевавшаяся занять место среди элиты?

Я стояла, стараясь не обращать внимания на эти ауры, чувствуя, как десятки, сотни взглядов впиваются в меня. Острые, жадные, недоверчивые. Враждебные.

— Охренеть, — выдохнула Нинель рядом. Тихо, но очень выразительно. — Эрика... Ты хоть понимаешь, что это значит?

Я не могла говорить. Просто покачала головой.

— Элитный Корпус, — прошептала она, и в голосе её было что-то похожее на священный трепет. — Туда берут только будущих глав кланов. Только тех, в ком видят потенциал правителей. Ты теперь не просто студентка, ты — политическая фигура.

Я только удручённо вздохнула.

«Этого патриарх с ректором и добивались.»

— И что теперь?

— Теперь — самое интересное. — Нинель улыбнулась, и в этой улыбке было что-то хищное. — Теперь они начнут охоту. Кто захочет тебя завербовать, кто — уничтожить, кто — переспать, чтобы приручить. Добро пожаловать в большую игру, наследница.

Я посмотрела на толпу. На эти острые, жадные взгляды. На парящие светильники под потолком. На белые стены, видевшие сотни таких же, как я.

Элитный Корпус Наследников.

Я, дикарка из пустоши, только что вошла в самое сердце змеиного гнезда.

Маг тем временем продолжал перечислять:

— ...Эрнест Дмитрий — одиннадцатое место, факультет Боевых Искусств. Нинель Картограф — двадцать третье место, факультет Пространственной Навигации.

Нинель довольно хмыкнула:

— Нормально. Буду карты чертить, пока ты там будешь элитой командовать.

— Не дразнись, — буркнула я, всё ещё приходя в себя.

— А я и не дразнюсь. — Она ткнула меня локтем в бок. — Я горжусь. Дикарка из пустоши — и в Элитный Корпус. Это ж надо! Теперь будешь обедать за отдельным столом, с золотыми приборами.

— Там хоть кормят? — спросила я первое, что пришло в голову.

Нинель расхохоталась. Звонко, на весь зал, привлекая ещё больше внимания.

— Точно дикарка, — выдохнула она сквозь смех. — Идём уже, покажу тебе твой золотой унитаз. Шучу. Идём жрать, наследница.

Я улыбнулась. Несмотря на все эти взгляды, на эту враждебность, на этот чёртов Элитный Корпус, в котором я понятия не имела, как выживать... рядом с Нинель было легко.

Где-то в глубине зала, в тени колонны, мне показалось, я увидела знакомый силуэт. Высокий, широкоплечий, с тяжёлым, аналитическим взглядом.

Грегор.

Он смотрел на меня. Просто смотрел — но от этого взгляда у меня внутри всё перевернулось. Потому что в этом взгляде не было ни угрозы, ни расчёта, ни хищного интереса, как у остальных.

В нём было что-то другое. Что-то такое, от чего у меня перехватило дыхание.

«Элитный Корпус Наследников, — казалось, говорил его взгляд. — Ты даже не представляешь, во что ввязалась, девочка из пустоши».

А потом он отвернулся и исчез в толпе.

— Эй, — Нинель снова ткнула меня локтем. — Ты чего застыла? Идём, говорю. Пирожки сами себя не съедят.

Я моргнула, прогоняя наваждение.

— Идём, — сказала я, беря себя в руки.

Но чувство его взгляда — тяжёлого, тёплого — ещё долго грело мне спину, пока мы шли через зал к выходу.

Глава 5

Месяц.

Целый месяц я здесь, в Нефритовой Академии Вечного Совершенствования. И если кто-то думает, что за это время я привыкла — этот кто-то сильно ошибается.

Я не привыкла. Я просто научилась не выпускать наружу то, что кипит внутри.

А кипело там прилично. Так, что пар из ушей временами шел. В прямом смысле — Нинель клялась, что видела.

Всё началось со слухов. С ними всегда так: сначала тихий шёпот за спиной, будто ветер листву перебирает, потом громче, а потом уже открытые взгляды с намёком, от которых хочется кому-нибудь врезать. В Академии слухи были не просто сплетнями — здесь они были оружием. Тонким, ядовитым, пущенным точно в цель. Лучше любого клинка.

Первый слух родился в первую же неделю и разлетелся со скоростью чумы, занесенной из внешних земель. Кто-то из завсегдатаев «Нефритовой Чаши» — трактира у подножия южного пика — узнал во мне ту самую дикарку, что выиграла торги у самого Кэлена Игниса. А уж когда выяснилось, что после аукциона я отправилась в его личные покои и пробыла там... ну, сколько там можно пробыть, чтобы разжечь фантазию особо одаренных? — народная молва дорисовала остальное.

Якобы он вручил мне какие-то клинки.

Тут, кстати, чистая правда — вручил. Те самые «Песнь Полуночи», с которыми я потом ночами в подвалах убивалась, привыкая к их капризному балансу. Легендарные клинки, между прочим. Потомственные. Думающие.

Якобы я провела у него несколько часов.

Было от силы двадцать минут. Поцелуй — от которого до сих пор колени подгибались, если вспоминать, — портал и дело с концом.

Якобы... ну, вы поняли, что именно дофантазировали особо одаренные. У них с этим богато.

— Слышала, та дикарка из Пустоши уже отметилась, — прошелестели за моей спиной в столовой. Голосок был сладкий, как мед, но с гнильцой. — Уважаемый Игнис собственной персоной пригласил. Говорят, она оттуда вышла с клинками. Но не только с ними, хи-хи.

Я тогда чуть не подавилась пирожком с кроликом. Рядом сидела Нинель и с невозмутимым видом жевала свой завтрак, прикрыв глаза от удовольствия.

— Ты слышишь это? — прошипела я, сверля взглядом затылок сплетницы.

— А то, — кивнула она, даже не жуя. — Ты теперь местная знаменитость. Поздравляю. Автограф не дашь? А то потом продам, когда ты Магистром станешь.

— Нинель!

— Что? Я серьезно. Твой портрет уже в «Нефритовой чаше» продают. Правда, там ты с рогами и хвостом, но сходство есть.

Я зарычала.

Следом пополз второй слух. Про Почтенного Раина Вердиго.

Якобы после того боя с големом на Испытаниях, где я отправила эту каменную тушу в нокаут одним ударом (ладно, серией ударов, но кто считает?), Раин заявил на Совете Старейшин, что я «достойна его внимания». И народная молва, как всегда, интерпретировала это очень однозначно.

— Вердиго на неё глаз положил, — слышала я в коридорах. Шепотки прятались за колоннами, но я их чуяла за версту. — Говорят, уже поспорил с кем-то из своих теней, что затащит её в постель до конца семестра.

— А она? — спрашивал кто-то.

— А что она? Откажет? Такому, как Почтенный Вердиги, не отказывают. Это ж не просто мужчина — это клан, это власть, это...

Дальше я не слушала.

Я слушала это и только усмехалась про себя. Отказывала? Да он даже не подходил. Ни разу. С того самого дня на арене, где я уложила голема, он только смотрел. Всегда смотрел.

На лекциях в Зале Пяти Ветров — я чувствовала его взгляд где-то слева, тяжелый, давящий, от которого между лопаток выступал холодный пот. В коридорах — он мог стоять в другом конце, у окна, за которым плыли облака, но я знала, что он наблюдает. В столовой — стоило мне войти, как его серые глаза уже находили меня среди десятков других.

Но он не подходил. Никогда.

Просто смотрел. Изучал. Ждал?

От этого взгляда у меня внутри всё переворачивалось. Подгибались колени, когда я шла мимо. Сердце начинало колотиться быстрее, хотя я приказывала себе не обращать внимания. И злилась. Злилась на него за то, что смотрит. Злилась на себя за то, что реагирую. И больше всего бесило, что он, кажется, знал об этом. Знал — и наслаждался.

Так что нет, я не отказывала ему. Потому что не от чего было отказываться. Он просто играл в свои молчаливые игры, а слухи делали за него всю грязную работу.

Но самый обидный слух был третьим. Про Ректора.

— Да что она умеет-то? — фыркала какая-то девица из клана Унделайн на лекции по Теории Эфирных Поток. Мы сидели в амфитеатре, и ее громкий шепот было слышно даже драконам на соседней горе. — Алхимия? Подумаешь, варка пилюль — этому любого обезьяну научить можно. Бой? Повезло с големом, и всё. А силу ей девятую поставили. С чего бы это?

— Как с чего? — хихикнула её соседка, поправляя идеально уложенные волосы. — Ты забыла? Она же Скорвиус. И Ректор у нас — тоже Скорвиус. Почтеннейший Грегор Скорвиус. И она, говорят, к нему в кабинет зачастила. Консультации, видите ли, индивидуальные.

— Ой, я знаю такие «индивидуальные консультации», — закатила глаза первая. — В Башне Восходящей Луны, под звёздами... романтика!

Они захихикали, как две курицы, увидевшие червяка. Дорогие, холёные курицы в шелках.

У меня в глазах потемнело.

Грегор. Ректор. Мой опекун, дальний родственник. С ним у меня было всего две встречи — официальная, когда он объявлял об опеке, и та, в библиотеке, когда он молча поставил передо мной чашку чая и посмотрел так, что я забыла, как дышать. А потом был поцелуй — от которого до сих пор сердце заходится, если вспомнить.

И эти... эти...

Я встала. Стул с грохотом отлетел назад, эхом пронёсся под высокими сводами. Девицы обернулись, побледнели и притихли. Весь амфитеатр притих. Даже лектор запнулся на полуслове.

Я посмотрела на них так, как смотрела на голема перед тем, как отправить его в нокаут. Говорят, у меня глаза загорелись зеленым. В прямом смысле.

— Ещё раз услышу, — сказала я тихо, но так, что у них волосы на затылках зашевелились, — и вы узнаете, что такое «индивидуальные занятия» с дикаркой из Пустоши. В моём понимании. Там, знаете, и пилюли варят, и големов крушат, и языки длинные укорачивают. Бесплатно.

Они сбежали. Буквально вылетели из амфитеатра, спотыкаясь о длинные юбки.

А я осталась стоять, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. «Индивидуальные консультации». «Сплю с кем попало». «Повезло с големом».

Кулаки чесались невыносимо.

В тот же день после занятий ко мне подошла Нинель.

Мы сидели в библиотеке — настоящем храме знаний, занимающем три парящих этажа. Здесь пахло древним пергаментом, сандалом и тишиной. Сквозь витражные окна лился разноцветный свет, рисуя на каменном полу замысловатые узоры. Я пыталась читать какой-то древний манускрипт по эфирным потокам, но буквы расплывались перед глазами — я всё ещё кипела после утренней стычки.

— Злишься? — спросила она, плюхаясь на соседний стул и закидывая ногу на ногу. Нинель вообще не признавала библиотечного этикета.

— С чего ты взяла?

— Ну, не знаю. — Она пожала плечами и протянула руку, чтобы закрыть мне книгу. — Может, потому что ты одну страницу уже полчаса сверлишь взглядом. Если так продолжать, в ней дыра прожжется. А книги тут, знаешь, древние. Некоторые старше, чем род Вердиго. Хотя это одно и то же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.